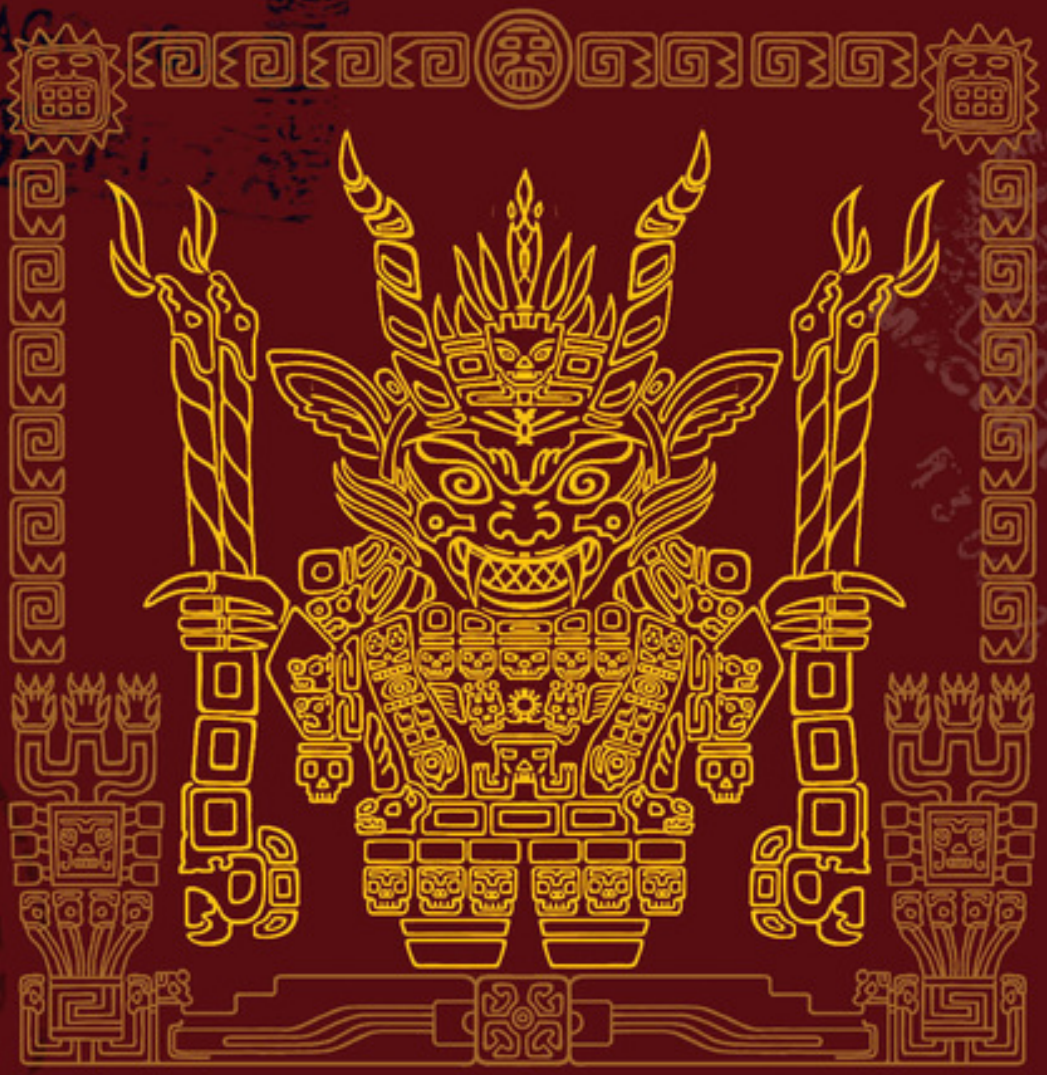
18+

От номинанта «Большой книги»

ZOTOB®



ЭЛЬ ДЬЯБЛО

Георгий Зотов

Эль Дьябло

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зотов Г. А.

Эль Дьябло / Г. А. Зотов — «Автор», 2015

ISBN 978-5-699-81808-2

Вы когда-нибудь мечтали попасть в… порнофильм? А в кино про войну? Или стать супергероем экрана?Да ладно, конечно же, вам этого хотелось.Ну так будьте осторожны… Мечты иногда сбываются.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-81808-2

© Зотов Г. А., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Часть первая 6
Пролог 6
Глава 1 10
Глава 2 13
Глава 3 17
Глава 4 21
Глава 5 26
Глава 6 29
Глава 7 34
Глава 8 37
Глава 9 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Zотов®
Эль Дьябло

© Zотов® Г. А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Часть первая
Cine pornografico

Мой страх приближается издалека,
Дышать не могу – горло сжала рука.
Шёпот ужасный терзает мне душу.
«Сошёл ты с ума и не выйдешь наружу…»

Metallica, Welcome Home (Sanitarium)

Пролог

(Лима, столица Республики Перу, 14 октября 1931 года)

…Старый телефон противнейше задребезжал, неуклюже подпрыгивая на тумбочке. Мигель наугад протянул ладонь и прихлопнул его как муху – одним ударом. Вопреки ожиданию, аппарат не умолк. Напротив, он продолжал надсадно трещать, издавая серию терзающих слух звуков – словно храпящему человеку от всех щедрот сыплют в горло ржавчину. Мигель с трудом протёр оба глаза. Чёрт возьми, да что ж такое происходит? Пошарив в темноте, он нащупал на рычаге трубку и вслепую подтащил к уху:

– Алло.

– Прошу прощения, уважаемый сеньор Мартинес, – прохрипел динамик.

– Вы знаете, сколько времени? – наливаясь злобой, произнёс Мигель.

– Да, сеньор капитан, – ровно четыре часа утра. Дева Мария и сам Иисус свидетели моих извинений, но… мне приказал разбудить вас лично заместитель министра Хуарес. Он требует, чтобы вы сейчас же подъехали на Плаза де Майор. Экстренный случай.

– И что такого там произошло? – спросил Мигель, подавляя зевок.

– Не знаю, сеньор. За вами отправили водителя, машина уже должна быть у подъезда.

Не прощаясь, Мигель повесил трубку.

Он пружинисто поднялся с постели. Тусклая лампочка под потолком осветила десятиметровую комнатушку, гордо именуемую хозяйкой «меблированным номером». Продавленная кровать, рукомойник, тумбочка из рассохшегося дерева, каменный пол (в вечную жару – особенно актуально), письменный столик (судя по древности – забытый конкистадорами при отступлении) и портрет *эль президенте* на стене, щедро «раскрашенный» засохшими тельцами москитов. Луис Санчес Серро, сжав губы, мрачно смотрел в полумрак поблёкшим взглядом – фотография изрядно выцвела, посему эполеты на плечах *эль президенте* напоминали большие немытые тарелки.

Мигель умылся ледяной водой. Зевая во весь рот, застегнул мундир.

Он спустился по лестнице – ступеньки шатались под ногами, издавая предсмертные стоны. Колониальный дом постройки XVII века, убогая каморка на третьем этаже – а сволочь-хозяйка дерёт за «номер» пятнадцать солей[1] в месяц. Автомобиль внизу вовсю фырчал мотором – как всегда «Форд», и довольно дряхлая модель. Что вообще в этой стране нового? Знакомый юный шофёр услужливо открыл дверцу, Мигель плюхнулся на протёртое сиденье сзади, очутившись на другой планете. С запахом сигар за два сентаво, картинкой, пришпиленной у руля с помощью булавки, треснутым лобовым стеклом и отвалившимся зеркальцем – да,

[1] Денежная единица Перу. – *Здесь и далее примеч. авт.*

ещё хорошо, что сам парень трезвый. В Перу такое счастье случается редко. Машина сорвалась с места и понеслась по пустому городу.

– А что стряслось, вам неизвестно, сеньор? – попытался завести беседу водитель.

– Это не твоё собачье дело, – бросил Мартинес, и шофёр подобострастно умолк.

…«Форд» свернул на дорогу к району Мирафлорес, миновав частокол кокосовых пальм и тёмно-жёлтых мавританских зданий: колонны, черепица, резные балкончики. Шум океана убаюкивал, в салоне укачивало, словно в колыбели… Мигель невольно прикрыл глаза и не заметил, как вскоре задремал. По традиции ему пригрезился сон, который он из года в год привык видеть в Лиме – с самого приезда. Морская гавань – набитая как бочка селёдками американскими и японскими военными кораблями. Повисшие в осеннем небе облачка разрывов. Вопли, рыдания, ругательства, настоящее вавилонское столпотворение. Кого здесь только нет! Почтенные купцы, трясущие бородищами, вусмерть перепуганные гимназисточки, дамы с облезлыми лисьими воротниками. Эвакуация армии верховного правителя Дитерихса из Владивостока, утро 25 октября 1922 года… Слухи один страшнее другого – японцы предали, «косоглазые» оставляют позиции, через считаные часы в беззащитный город войдут большевики. Страшная давка. Американцы штыками отталкивают тысячи безумцев, рвущихся на пароходы, с криками: «Get back, motherfuckers!» – хотя ночью ранее красивейшие девушки Владивостока расстались со своей девственностью в каютах моряков, оплатив право первыми ступить на спасительные трапы. Поверхность воды усеяна вещами из разбитых чемоданов – бок о бок плавают одежда и детские игрушки. Среди отступающих и он сам, белобрысый низенький 20-летний парень с веснушчатым лицом. Разрешите представиться, судари и сударыни-с… честь имею, подпоручик «Земской рати» Михаил Мартынов – в растрёпанной шинели, с «наганом» в руке и взглядом сумасшедшего. Господи боже мой, как же давно это было… Мигель до боли ясно помнит момент, когда битком набитый беженцами корабль отчалил от берега, он увидел расширяющуюся полоску серого моря и ощутил, что больше никогда не вернётся в свой родной город. Бездумно вложил в рот ствол «нагана», облизнул, чувствуя языком вкус оружейного масла. Прочёл молитву. Мысленно выматерился и с юношеской решительностью нажал на спуск. Щелчок отозвался в ушах погребальным звоном. Конечно, в барабане давно не осталось патронов, армия обескровлена в боях. Дурак, мальчишка… Потом – нищебродская жизнь, прозябание в трущобах Токио: без денег, в завшивленных лохмотьях, с плошкой риса на три дня, ночёвки под мостом рядом с пьяными проститутками. Он быстро сообразил, что с его испанским языком здесь подохнешь с голоду, а до соблазнительной Испании добираться ой как долго… Через три месяца господин подпоручик нанялся матросом на утлую посудину, везущую японцев-иммигрантов в Перу.

Вот тут-то Миша Мартынов и превратился в Мигеля Мартинеса.

Перуанский паспорт. Карьера – от обычного городового до следователя криминальной полиции. Крыша над головой… пусть и в ужасной халупе, но, извините, с казённым жалованьем в любой стране хорошо живут только генералы. Сколько друзей по «Земской рати» попросту спились, перестрелялись, чистят ботинки прохожим в Токио и Шанхае, работают извозчиками в Харбине – не сосчитать. Ему, можно сказать, повезло.

– Сеньор… простите, мы уже приехали… – Водитель, открыв дверцу, тряс его за плечо.

Мигель нехотя выбрался из «Форда». Голову словно залило свинцом – он засыпал на ходу. Запустив руку в карман мундира, Мартинес вытащил брикетик сушёных листьев коки и, не глядя, бросил себе в рот. Изумительная штука. На вкус – гадость, вроде лаврового листа с мятой, вяжет язык… но подстёгивает, как хлыстом, моментально становишься бодрым, сон будто рукой снимает. Буквально пара-тройка секунд – и в мозгу исчезла вязкость, взгляд фокусирует происходящее, тело чувствует лёгкий холод ночи. Куда его привезли? Ах да… какие-то закоулки, трущобы позади помпезной Плаза де Майор. Он уже много раз был здесь.

Убийства в ночной Лиме – привычное дело, город живёт этим, как дышит. Поножовщина, стрельба, изнасилования, пьяные драки. Очень мило.

Рассвет всё никак не наступал. Мигель двинулся в сторону группы людей с фонариками, застывших в полутьме между скелетами зданий. Луч света ударил ему прямо в лицо.

– Рады вашему приезду, *эль капитано*.

Услышав этот голос, Мартинес окончательно уверился – случилось нечто плохое. До сего момента происходящее казалось ему неудачной шуткой… но если заместитель министра национальной полиции и верно здесь, такое неспроста. Он приложил два пальца к кепи:

– Доброе утро, кабальеро.

Чиновник Хуарес, низенький метис с залысинами, грузный, со светло-коричневой кожей (как и половина здешнего населения, «коктейль» из индейца-кечуа и испанского колонизатора), довольно анекдотично выглядел в гражданском костюме и шляпе. «Ему бы сейчас набедренную повязку, перья и по джунглям с копьём бегать, на ягуаров охотиться», – по-русски мысленно съязвил Мигель. «Кабальеро» поднёс ко лбу платок, промокая выступивший пот. У чиновника дрожали губы – и веселье Мартинеса сменилось неясной тревогой. Они с Хуаресом стояли на пятачке между *касой* – старым испанским домом – и заброшенной церквушкой: священник умер ещё год назад, нового до сих пор не прислали. Ботинок Мигеля ступил в липкую грязь, следователь непроизвольно чертыхнулся. Фонарик замминистра опустился ниже, и сон окончательно покинул голову Мартинеса. Обувь окрасилась в тёмно-вишнёвый цвет.

– Похоже, убийца выпустил из неё всю кровь, – сказал «кабальеро». – Здесь целое озеро – пропитаны трава и корни дерева. А остальное, *эль капитано*, вы увидите сейчас сами.

Чиновник аккуратно посторонился.

Полыхнула лампа полицейского фотографа, и в глазах Мигеля яркой вспышкой запечатлелась картина. Девушка, одетая в кремовое платье с кружевами, оборками и юбками средневековой пышности, – такие до сих пор носят женщины в пограничных с Боливией районах. Густые, тщательно уложенные чёрные волосы, широко открытые глаза – и рот, откуда высунулся кончик распухшего языка. Лицо напоминало багровую маску – кожу покрыли кровью, выкрасили, словно заборчик у хижины. Руки заведены за ствол толстого дерева, к корням которого и примостили труп. У ног покойницы – тазик для стирки белья, куда, вероятно, сливали кровь: на дне виднеются грязно-бурые разводы.

Да уж, грех пенять на Хуареса. Случай действительно экстренный.

Мигель подошёл к телу – полицейские расступились. Под ногами хлюпала кровь.

– Как давно её нашли? – спросил Мартинес, вглядываясь в мёртвое лицо.

– Два часа назад, *эль капитано*, – глухо сказал молоденький капрал: он старался не смотреть на жертву. – Знаете, есть пожилые люди, страдающие бессонницей, они часто гуляют ночью со своими собаками… Вот один из таких и наткнулся на сеньориту… Вы не представляете, с какой скоростью этот старик бежал до полицейского участка. Сначала мы хотели отвязать покойницу от дерева, но… как только до неё дотронулись, решили вызвать офицера. А тот приказал сразу позвонить начальству. А начальство – вам, сеньор.

Мигель присел на корточки, дабы получше рассмотреть засохшую кровь на щеках девушки. Надо же, в воздухе витает на удивление приятный запах. Обычно убитый человек пахнет, как зарезанное животное на бойне, а тут… нечто совсем загадочное. Похоже на духи, но нет… сладкое, нежное. Он протянул руку, коснулся предплечья покойницы, потянул на себя и… отпрянул. Труп подался в его сторону с необычной лёгкостью, мягко шурша, словно подушка. Мартинес снова тронул кожу, слегка надавив. Внутри что-то захрустело. Да, становится всё интереснее. Убийца профессионально вынул из тела покойницы все кости, затем набил «каркас» душистыми травами, выкрасил лицо её же кровью и примерно после полуночи доставил свой груз в трущобы позади Плаза де Майор. Саму кровь слил заранее

(ага, вот и шрам от лезвия на горле), а потом использовал как элемент декорации. Остаток, что не понадобился, выплеснул на землю.

Какой там заместитель министра? Скоро новость до *эль президенте* дойдёт.

От каждого мёртвого глаза в разные стороны расходилось по четыре искрящихся полоски. Мигель кивком попросил полицейского приблизить фонарь, и его догадка подтвердилась – толчёное золото, отсюда и режущий блеск. Чудесно. Парень-то наш ещё и с творческой фантазией. То, что это парень, Мартинес не сомневался. Он уже трижды успешно расследовал дела серийных убийц в разных городах Перу, включая и «Хищника из Трухильо» – пекаря, задушившего четырёх уличных проституток. Но то были ограниченные люди, без полёта воображения, срезавшие сувениры с тел жертв по отдающему нафталином рецепту Джека-потрошителя. Здесь виделось нечто иное, специфический подход… Да и девушка вовсе не заезженная жрица продажной любви, каковых он навидался ещё с улиц Владивостока, – на вид лет пятнадцать, кажется, ещё школьница… Кто наш маньяк по профессии? Хирург, таксидермист, спятивший художник? В любом случае ему нет смысла здесь задерживаться. Тело (или, цинично говоря, попросту чучело) погибшей пора отправить в участок для дальнейшего изучения, осматривать кадавр при столь тусклом свете тяжко. Уснуть, конечно, ему сегодня не удастся. Да и следующей ночью тоже.

Мигель поднялся на ноги.

Со стороны океана нёсся шум волн. Девушка, раскрашенная кровью и набитая ароматными травами, при первых проблесках солнца выглядела как дорогая кукла – вроде тех, что дарят своим дочерям каучуковые короли из Мирафлорес. Золотые дорожки у мёртвых глаз нестерпимо блистали. Мигель вытащил из кармана портсигар, полицейский с поклоном поднёс спичку, и голова *эль капитано* исчезла в облаке сизого дыма. Хороший здесь табак, горло дерёт сильнее русского самосада: только к местной бурде – *писко* – никак не привыкнет… а родимой водки даже у контрабандистов не достать. Между пальм с криками метались красные попугаи. Что он забыл здесь, на самом краю Земли?

Мартинес шагнул к заместителю министра и вдруг резко обернулся.

Ногти. На руках покойницы были разные ногти. Он подошёл. Пригляделся, взял сначала одну руку, затем другую… На левой пальцы оказались другими… длинные, «музыкальные»… зато на правой – короткие, утолщённые в фалангах посередине…

– Сучий потрох, – вложив в эти слова всю свою злобу, выругался Мигель по-русски.

На этот раз он осматривал труп более чем досконально, со всех сторон. Через десять минут капитан вернулся к чиновнику из министерства. Хуарес вопросительно поднял на него воспалённые глаза, Мартинес махнул рукой в сторону дерева с мёртвой девицей:

– Сеньор, я вынужден предупредить… похоже, мы не минуем веселья.

– В чём дело? – поднял брови заместитель министра.

– Её *собрали*… из нескольких тел. Здесь как минимум четыре разных человека. Убийца трудолюбиво создавал свою *куклу*. И, кажется, он собрался открыть магазин игрушек…

…Над океаном истерично вопили чайки. Небо закрыли тучи, сильный ветер понёс с пляжа песчинки, захрустевшие на зубах у ранних прохожих. Приближался шторм…

Глава 1
Винтаж

(14 октября 2015 года – где-то в неизвестном городе)

…Кинематограф, стартовав в качестве чуда света – смесь детского волшебства со средневековой магией! – весьма быстро деградировал до банальной развлекухи в четырёх стенах. К началу XXI века ему и вовсе суждено превратиться в жирного спрута, опутывающего своими щупальцами любое доступное пространство. Вырвавшись наружу из душных зальчиков, он захватил мир – и тот сдался без сопротивления. Посмотрите вокруг и убедитесь. Кино теперь всегда с нами – в офисе, на домашнем диване, в вагоне метро и кресле самолёта, на дисплее мобильного телефона. Оно влезает в мозг тонкими хоботками наушников, строго фиксирует зрение на нужных моментах… Мы – слепые зомби, покорные рабы вымышленного красочного мира. Кино всосалось в кровь каждого жителя планеты Земля, и кто скажет со стопроцентной уверенностью – мы и в самом деле живём в реальности либо кто-то невидимый нашему взору снимает фильм про наше бытие? Любой священник охотно подтвердит (пусть и не с такой формулировкой): Господь Бог – режиссёр нашей Вселенной, а мы – толпа низкооплачиваемых статистов в его блокбастере. Хм, простите, а о чём это я вообще? Да, блин, уже не важно: нам давно пора начинать. Свет в зале погас, шуршит плёнка кинопроектора. Господа зрители, снимите ваши очки в формате 3D… Они не понадобятся, это достаточно старый фильм. Прошу, устраивайтесь поудобнее. Запустите пальцы в попкорн. Отключитесь от Вселенной – и тогда вы наверняка услышите этих двоих. Они бредут в вашу сторону в кромешной тьме, очень осторожно, вслепую… шаги угадываются издалека. Мягкая кошачья поступь перемежается с робким стуком тонких каблучков по цементу. Будто тигр вывел на прогулку оленёнка. Или наоборот?

– (*мужской голос*) Не надо. Свет здесь не включается. Подожди, я отыщу канделябр.

– (*женский голос*) А почему не включается?

– Древний подвал, электричества нет. Знаешь, здесь вообще давно никто не живёт, даже крысы. Это мой подземный мир. Ржавые трубы, запах истлевшего матраса, шелест твёрдых, как картон, страниц старых журналов, хруст бутылочных осколков… Такова музыка моего одиночества – ты понимаешь, девочка? Симфония спасения души.

– (*недовольно*) Извини, но жуткий бардак. Я будто заглянула в квартал садомазо.

– Он необходим… ведь только так я услышу, если они проберутся сюда…

Чиркает спичка, слабым огоньком вспыхивает свеча. По облезлым стенам мечутся в страхе тени. На полу – куча полусгнивших женских платьев, разноцветного нижнего белья, грязные остатки красных кожаных корсетов и чулок. Тёмное убежище мрачного монстра, месяцами не покидающего своего логова.

– (*перехватывая взгляд*) Да-да, это моя постель. Сплю я тоже здесь. Специально подобрал заброшенный дом на окраине – не обратят внимания. Раз в сутки выбираюсь на улицу: раздобыть еду, разведать обстановку… Нет, я не прячусь, не мажу лицо камуфляжем. Но вылазки надо сократить, иначе это может плохо закончиться… очень плохо. Они не прекращают охоту – каждый день и каждую ночь.

– (*тихо, как эхом*) Знаю…

– (*кашляет*) У меня жуткие проблемы с питанием. Что тут поесть? От бананов, огурцов и взбитых сливок тошнит. Гастрит уже небось заработал, постепенно превращаюсь в нервное животное. Стоит забыться сном, как мерещатся страшные улицы в блеске неоновой рекламы… Я зверем мечусь среди мусорных баков, стараясь избежать прожекторов… Они обступают меня со всех сторон, скаля зубы, сжимая кольцо…

(*Тени на стене дрогнули. Повинуясь внезапной жалости, она инстинктивно поднимает руку, чтобы погладить его по щеке, и тот в ужасе дёргается от прикосновения.*)

– (*торопливо, скороговоркой*) Прости, прости, прости меня… Я всё время забываю…

– (*тяжело дыша*) Ты не виновата, это случайность… На чём я остановился? Ужасы. Ты в курсе – территория Сити строго делится между группами. Есть сумеречные зоны, где такие, как я, растворяются, как снег на ладони: от них никаких вестей. Я изведён вечным безденежьем – даже самого необходимого не купишь, ведь в Сити главенствует натуральное хозяйство. У меня осталась последняя свеча – когда она догорит, придётся…

– (*женский голос дрожит, срываясь*) Я слышала, монастырь…

– Да. Но выбора нет, хотя монастырь и самое безумное место Сити. Безнадёга. Ты знаешь, кто обитает внутри? Если встретишь чёрных на улице – двух, трёх, есть мизерный шанс сбежать или отработать. Но там этих тварей – не меньше сотни, стопроцентная смерть. Они чуют наш запах, стоит приблизиться к стенам, изнутри сразу слышится смех, на диво плотоядный и омерзительный. Ни один мужчина оттуда не вернулся, даже скелетов не обнаружили… а вот я сумел побывать дважды…

– (*невольный вскрик*) ДВАЖДЫ?!

– А что поделаешь, свечи-то нужны… В темноте жутковато… Завтра я пойду туда снова – и ты знаешь почему. Это мой единственный шанс на спасение. Я давно здесь. Я научился выживать в вашем мире, хотя это и очень непросто. Без денег. Без необходимой еды. Появляться в опаснейших кварталах, зная – из тебя могут высосать жизнь, каплю за каплей. Они постоянно голодают, эти существа. Не важно, сколько им лет. *Клетчатые* в сезон весенней охоты безжалостны, чёрные – настоящие чудовища. Никогда не знаешь, на кого наткнёшься. Они мимикрировали, научились усыплять бдительность путников.

– (*с грустью*) Я помогала им… Ох, вообще не понимала, что делаю. Ты открыл мне глаза. Пусть завтра тебе сопутствует удача, – клянусь, я не лягу спать, пока не дождусь вестей. Не поддавайся им. Песни чёрных сладки, словно у сирен, ими легко заслушаться. Иногда и я бывала в числе тех, кто завлекал прохожих под стены монастыря. Мне очень стыдно.

(*Вспыхивает ещё огонёк, слышится характерное шипение: зажглась сигарета.*)

– Не вини себя. Таково твоё предназначение. Пока я не оказался в вашем мире, тоже был уверен – здесь настоящий рай. Всё, что может пожелать себе мужик в самых красочных фантазиях… Подобное случается лишь в липких подростковых снах – ну или на Кубе, хотя там это не бесплатно. Без разницы. Разве я мог тогда представить, как обессиленный, измученный и голодный стану прятаться в подвале? Я полагал… а, родная, уже не важно, какую муть я воображал. Вместо рая меня отправили прямиком в ад. Больше никогда не стану просить об исполнении мечты… Она сбывается и с хохотом жрёт твою жизнь. Верь я в бога, счёл бы *провал* наказанием за грехи. Скажи, я рехнулся? Жизнь среди монстров забирает мой рассудок, он панически сдаёт позиции – метр за метром.

– (*с надеждой*) Может, ты с самого начала выбрал не тот квартал? Старухи рассказывают, всего в двух часах езды отсюда находятся олдскульные поселения, там домики из семидесятых. Говорят, очень мило, запах молока и сена. Никаких особых приспособлений, сплошной натурализм. Если тебя поймают, всё проходит быстро. Не изматывают, не мучают. Местный народец весел и не увлекается извращениями.

– (*вздохнув*) Да, я знаю. Это называется винтаж. Нормальное время *процедуры* в винтаже от двадцати секунд до двух минут: не так уж страшно, даже если их толпа напала. Но… ведь туда не добраться, правильно? Дорога чрезвычайно опасна. Я даже не хочу рассказывать, через какие кварталы она пролегает… Ты слышала о районе «реальных нелегалов»? Я так и думал, что нет. Во время игр они убивают не понарошку, а по-настоящему. В моём мире подобные плёнки стоят восемьдесят тысяч баксов. Сколько же здесь грязи, уродов, мутантов, хищников. Почему я раньше ничего не знал?

(*Она смотрит ему в глаза… их губы почти соприкасаются.*)

– Давай сменим тему. Ты спокойнее и добрее, когда рассказываешь про свой мир.

– (*тяжёлый вздох*) М-да. Знаешь, я ведь не ценил его. А теперь каждую ночь ложусь с надеждой: вот проснусь и увижу – случившееся со мной всего лишь сон. Но ни хрена. Наступает утро, всё повторяется вновь. И главное – я понимаю, что не сплю. Если здесь умереть – сгинешь по-настоящему. Как в кошмарах с Фредди Крюгером.

– А кто это такой?

– Существо из хоррора нашего мира. У вас вроде него тоже бывают, но в других кварталах. Он убийца фантастический, нереальный – приходит к своим жертвам во сне. Проткнёт стальным когтем – и тебе конец… ох, ну и бред. Я застрял, не знаю, что делать. На моё счастье, я встретил тебя. Мне казалось – такие, как ты, в стенах Сити в принципе не водятся. Хотя, чисто теоретически, должны…

– (*задумчиво*) Если твоя версия верна и мы искусственное творение, воплощение фантазий других людей, почему бы и нет? Ты сам говорил: девственницы – редкость даже в вашем мире.

– (*охотно соглашаясь*) Чистая правда. Их не найти в твоём возрасте. Вот поди ж ты, четырнадцатилетних девственниц полным-полно. А начнёшь искать двадцатилетнюю – до смерти утомишься. Ещё и подделок масса – те, кто «зашивается».

– И я не могу сказать, что полностью невинна. Тут девственниц берегут для особых игр. Ты говорил, в нашем мире повторяются одни и те же сюжеты? Десять сценариев, и дальше всё по кругу? Возможно. Впрочем, я многое умею. Была на оргиях в квартале садомазо, насмотрелась всякого, чему ужаснутся даже видавшие виды ветеранши Сити, пусть и без прямого контакта с мужчиной. Хочешь, расскажу? Ой, зачем я… нет-нет. Лучше поведай мне снова, каким образом ты попал сюда. Я буду слушать. Обещаю не прерывать.

Слабый огонёк свечи гаснет, и тьма сгущается. Они разговаривают дальше шёпотом – но зрители слышат, о чём именно. Он в который раз живописует, как оказался в Сити, а она временами жалобно вскрикивает от страха и напряжения. Камера показывает чёрный квадрат, ведь пламени больше нет. Мужчина объясняет, что скоро обязательно отправится на охоту в монастырь, и девушка плачет от сочувствия к нему. Их отношения столь же эротичны, сколь и невинны. Она хочет прикоснуться к новому другу, но не делает этого даже в темноте… ибо изучила его реакцию. Кажется, что собеседники в полной безопасности, их тайное убежище никто не найдёт, они одни в подземелье. Но мужчина ошибается. За свиданием пристально следит ещё один человек, находящийся на приличном расстоянии от места встречи. Он не показывает никаких эмоций, не демонстрирует враждебности.

Просто наблюдает за ними. Причём достаточно давно.

Глава 2
Монастырь

(17 октября 2015 года, окрестности Секс-Сити)

…Снято ручной камерой, изображение дёргается, в первые минуты происходят частые обрывы плёнки. Съёмка похожа на шестидесятые годы – «картинка» расплывчатая, никак не может сфокусироваться. Зрители в зале выражают неодобрение всеобщим «буууууу». Слышатся ленивые, но резкие свистки. Один из сидящих спереди встаёт и, бормоча под нос ругательства, покидает зал, показушно и громко хлопнув дверью. Напрасно он поторопился. Вскоре после его ухода изображение стабилизируется. На экране крупным планом лицо двадцатилетней монахини, сложившей руки в молитвенном экстазе, но тревожно оглядывающейся посреди стен кельи. Играет она довольно-таки фальшиво, но зрители милостивы к ней – в конце концов, перед ними не кандидат на «Оскар».

…Сестра Наталья почти мгновенно заметила пропажу. Да любой дурак бы просёк: только что на поверхности дубового стола, по обе стороны резного ларчика из малахита, возлежали две связки восковых свечей, а спустя секунду свечи с левой стороны исчезли. Монахиня издала глухой утробный стон. Дерзкая кража означала лишь одно – во время грядущей полуночной оргии в трапезной множество сестёр лишатся своего удовольствия, а отвечать, конечно же, придётся ей. Ринувшись к окну (только оттуда в запертую келью и мог пробраться грабитель), инокиня высунула голову наружу. Её взгляду открылось то, что сразу улучшило настроение и раззадорило почище молитвы. Похититель – настоящий живой мужчина лет тридцати, одетый в потрёпанные грязные джинсы и столь же древнюю футболку, – зажав добычу в зубах, быстро спускался по водосточной трубе. Злоумышленник торопился, и в глубине души сестра могла его понять. Наталья прикусила пухлую нижнюю губу – только бы не спугнуть дичь… О господи, какая же радость! Такого в монастыре не бывало уже год – особь из города сама явилась в ловушку. Вечер удался. Требуется оповестить остальных сестёр, и…

И тут, как назло, незнакомец взглянул вверх.

Их взгляды встретились. Узрев юную монахиню в рясе в обтяжку, чужак понял, ЧТО именно ему грозит. Издав сдавленный крик (но при этом не выпустив из зубов трофей), он отпустил руки и камнем полетел вниз – дабы оказаться на земле как можно скорее. Инокиня в страхе зажала рот рукой, истерично взывая к высшим силам, и те её услышали – грабителю повезло. Он рухнул в кусты монастырской малины. Спружинив, ветки сохранили тело незваного гостя. Наталья благостно перекрестилась, после чего немедля стащила с себя опостылевшую рясу и осталась совершенно обнажённой.

– Мужчинаааа! – наполовину высунувшись из окна, благим матом заверещала монахиня. – Мужчина в монастыреееее! Сёстры мои, во имя господа, НЕ ДАЙТЕ ЕМУ УЙТИ!

…Пронзительный вопль достиг и ушей незнакомца – не разбирая дороги, тот ломанулся через малинник в сад, оставляя на шипах клочья футболки. Схватив с крышки ларца фотокамеру, сестра Наталья с восторгом щёлкнула крепкие ягодицы чужака – картинка пригодится, дабы скоротать за рукоблудием одинокую ночь в келье. Отперев дверь, она стремглав бросилась вниз по лестнице. Надо успеть «к раздаче». Если сёстры *голодны*, настоятельница их не сдержит – и тогда в конце оргии Наталье достанется разве что труп… Такое уже случалось, и не единожды.

В ушах у незнакомца свистел ветер – его бегу позавидовал бы и гепард. Миновав засохшие яблони, он неумолимо приближался к монастырским воротам из серого осклизлого камня. Перемахнуть через них с разбегу (учитывая критическую ситуацию) – плёвое дело, а дальше – ищи ветра в поле.

Так бы оно и произошло, однако…

Раздался резкий и громкий металлический лязг. Из кустов у основания стены, подобно спецназу, вылезла пара решительно настроенных монахинь. Волей судьбы оказавшаяся спереди рыжеволосая толстушка в белом клобуке взвела курок и прицелилась ему в живот из охотничьего ружья. Даже однозарядное, оно выглядело весьма устрашающе.

– Осторожно, ничего не повреди, – скороговоркой выдохнула её коллега, брюнетка с ярко накрашенными кроваво-красными губами. – А то Шефиня взбесится. Если он не сможет, нас высекут розгами, посадят на хлеб и воду. Леночка, кисуль, ты ж понимаешь…

– В курсе, – сквозь зубы сказала рыженькая. Сдув со лба прядку волос, она небрежно обратилась к незнакомцу: – Сдавайся. Останешься тут навечно – от чёрных не уйти… Двинешься – я стреляю на поражение. Тогда, пока ты не умрёшь, у тебя будет секс с одной из нас. А то и с двумя – смотря сколько продлится агония. Ты знаешь, куда пришёл.

Незнакомец не удивился словам девушки. И так понятно – у него совсем мало шансов. Он жестоко небрит, специально не мылся три дня, лицо в засохшей грязи… но, похоже, чёрным всё равно. Карие глаза, чуть выдающиеся скулы, неплохие мускулы, запах, как от загнанного кабана, – им достаточно. Это же монастырь, убежище монстров, – про него в Сити ходят жуткие легенды. По слухам, год назад тут попросил воды плохо говоривший по-русски, заблудившийся семидесятилетний таджик… от бедняги даже костей не нашли. Отступив в поисках спасения, чужак споткнулся о могильный крест из камня.

Кладбище. Чёрные загнали его на кладбище.

Он прикусил губу в предсмертной тоске, грудь стиснул приступ паники. Обветшавшее надгробие. Таких могил, на первый взгляд, поблизости не меньше трёх десятков. Грабители. Искатели приключений. Одинокие путники. Все, кого в разное время завлекли сюда сирены наподобие той девственницы… Каждый, не ведая своей участи, вошёл в стены монастыря, чтобы уже никогда отсюда не выйти. Их заморили сексом – насмерть. «Одного петуха достаточно на десять кур, но десять мужчин с трудом удовлетворят одну женщину» – это ещё мудрый Бокаччо в «Декамероне» сказал. А тут не одна… далеко не одна. Радостное хихиканье иглами вонзалось в уши. Чёрные обступили чужака со всех сторон: их полсотни или даже больше. Сжимая ружьё, рыжая плотоядно облизнулась в предвкушении. К пришельцу тянулись тонкие, с острыми ногтями руки. Пара монахинь, уже не владея собой, стащили с себя одежду, оставшись в кружевном белье. В первом ряду, поглаживая грудь (да и, собственно, не только её), издавала стоны бдительная сестра Наталья. На вкус чужака, бёдра у девушки были слегка толстоваты.

– Разойдитесь во имя господа, сёстры, – послышался строгий голос.

Монахини торопливо расступились. Вперёд вышла «шефиня», или мать-настоятельница. Незнакомец с опаской обозрел дородную матрону лет сорока пяти – опасение внушал как бюст пятого размера, так и облачение «матушки». Голову дамы украшала фуражка офицера СС с черепом и скрещёнными костями, необъятная грудь была затянута в чёрную кожу с заклёпками, красные сапоги вроде ботфортов поглощали ноги вплоть до бедёр, запястье обвивал короткий хлыст. До ухода в монастырь настоятельница точно работала в квартале средневекового садомазо. Перехватив затравленный взгляд злоумышленника, женщина одарила его победоносной улыбкой.

– Правильно смотришь, – ехидно произнесла «шефиня». – Эти люди посетили монастырь с разными целями, но всем им пришлось навеки остаться нашими гостями. У тебя бодрый вид, странник, ты не изнурён. Бьюсь об заклад – продержишься целый месяц. Для пользы, чтобы ты ублажал сестёр дольше, мы откормим тебя орехами и мёдом.

Она надменно повернула голову к толпе изнывающих от нетерпения монахинь:

– Первая ночь моя. Остальные пойдут в порядке очереди. Бросайте жребий.

Чужак тоскливо посмотрел в небо. Золотые купола монастыря нависали прямо над ним: казалось, готовились упасть, приплюснуть своей тяжестью к земле. Женщины смыкали круг –

облизываясь, подбадривая друг друга шлепками. Незнакомец до дрожи явственно чувствовал горячее дыхание, видел капельки слюны на губах.

Конечно, сегодня их день. По крайней мере, они так думают.

Грохнул выстрел. Рыжая, уронив оружие, с криком зажала рану на плече. Брюнетка (в кружевных трусиках с разрезом посередине) метнулась за ружьём – но рухнула рядом, обливаясь кровью, – вторая пуля угодила ей в верхнюю часть бедра. Полуголые монахини отозвались слабым визгом и замерли в испуге: незнакомец угрожал им «макаровым».

– Я не дам себя трахнуть, – пообещал он, водя стволом вправо-влево. – Патронов хватит, убью человек двадцать… Уж кто, как не вы, знаете – мне нечего терять. Вы готовы сдохнуть прямо сейчас, чёрные твари, и никогда больше не познать радостей секса?

Затихли даже раненые – было слышно, как в саду щебечут птицы. Монахинь постигло смятение. Бездумно ринуться в объятия смерти, отказавшись от богатого и извращённого ассортимента плотских утех, было бы редким идиотизмом – ведь общеизвестно, именно за этим девушки и уходят в монастырь. Но с другой стороны – нечеловечески жаль упустить настоящего самца. Увидев живого мужчину, сулящего месяц горячих ночей, не каждая сестра способна вернуться к забавам запертых в монастыре одиноких женщин, ублажающих потребности организма огурцами и морковью. За те долгие пять минут, что монахини преследовали незнакомца, каждая из них уже успела мысленно овладеть его телом. Некоторые – как минимум дважды.

Чужак перевёл ствол пистолета прямо в лоб «шефине», целясь в серебряный череп на эсэсовской фуражке. Та судорожно сглотнула. Рука дрожит, но промахнуться шансов нет.

– Отпустите меня, – процедил сквозь зубы незнакомец. – Иначе, клянусь, вы все умрёте.

Настоятельница колебалась недолго. Легко играть героя в кино, а в жизни, когда тебе в лоб смотрит пистолет, начинаешь соображать куда оперативнее. Вытащив из кобуры на бедре пульт дистанционного управления, она нажала кнопку: ворота монастыря, заскрипев, начали открываться. Монахини поняли: это конец. Они обнялись и зарыдали.

– Проваливай, импотент, – прошипела «шефиня». – Но обещаю, мы ещё встретимся.

– Растите морковочку, – с усмешкой парировал чужак. – Она вам сегодня необходима.

Только отойдя от монастыря на безопасные пять километров, Олег вздохнул спокойно. Он блефовал: в стволе «макарова» оставалась одна-единственная пуля. Разгадай монахини суть игры, пришлось бы пустить её себе в лоб. Надо же – чуть не погиб. И это в тот момент, когда он почти добрался до выхода! Впервые за полгода его пребывания в Секс-Сити судьба даровала реальный шанс вырваться из замкнутого круга. Послезавтра важная встреча… вот здесь-то он своего не упустит. Сунув за пазуху оба свёртка (*предметы*, похищенные для отвода глаз, и *другое* – главное, за чем он проник в монастырь), Олег вышел на трассу ловить такси в Секс-Сити. Денег тут не используют, но это не проблема. Царапины от шипов кровоточат, многих городских самок заводят подобные вещи. И если водитель женщина, запросто можно оплатить поездку натурой…

Отвратительно, но придётся. У него слишком мало времени.

…Мать-настоятельница, будучи вне себя от ярости, поднялась в свою келью – переодеться к вечерней мессе в корсет и шёлковые чулки. Её душили слёзы. Подумать только – упустили такой шанс! Нет, лучше не жадничать, не экономить: с завтрашнего вечера она прикажет оборудовать забор и стены внутри монастыря видеокамерами, так проще ловить чужаков. Правда, придётся подождать установщиков-женщин (само собой, лесбиянок), мужчины в монастырь не поедут. Оргию с овощами отменили – настроение у всех сестёр было испорчено, к тому же недосчитались свечей – придётся заказывать новые. Но стоит ли отказывать себе в последнем удовольствии на ночь? Нет, это было бы неправильно. Едва закончилась месса, опухшая от слёз сестра Наталья поднялась в келью настоятельницы – встала на колени и протянула малахитовый ларец. Дрожа от возбуждения, аббатиса выдохнула, как алкоголик перед

стопкой водки, и откинула крышку. Её зрачки расширились. Вцепившись в щёки ногтями, она завизжала от ужаса.

Незнакомец украл не только свечи!..

…Камера следит: Олег останавливает жёлтую машину с шашечками. Оператор приближает изображение. Без звука показано: мужчина, притворно улыбаясь, обсуждает что-то с девушкой на водительском сиденье – длинноволосой блондинкой в расстёгнутой белой блузке, без лифчика и в предельно короткой юбке. Со скрытой гримасой отвращения мужчина садится в салон. Девушка обнимает пассажира за шею, прижимает его голову к своей груди, другой рукой крутит руль, – они едут. Метрах в двухстах от автомобиля из пожухлой травы поднимается ещё один человек. Его видно со спины, маленькую фигурку в большом поле. Он смотрит в сторону отъезжающей «Хонды» в бинокль. А затем медленно оборачивается.

Обрыв плёнки.

Глава 3
Собиратель кукол

(Лима, Республика Перу, 17 октября 1931 года)

…Прежде всего, появись такая возможность, он обязательно разъяснил бы свою позицию уважаемой публике – раз и навсегда. У него нет абсолютно никаких криминальных причин, поэтому полицейским с журналистами не следует придумывать на ходу версии и предаваться ненужным иллюзиям относительно его работ, – он всё делает исключительно во имя любви. Да-да. И нечего в ответ кривить рожу в циничной ухмылке. Любовь существует, она правит погрязшим во злобе и праздности миром, облекая тьму в одежды света. Великая любовь, что посещает человека единственный раз в никчёмной жизни, ради которой лично он сам готов одним ударом сломать себе рёбра и вырвать из груди сердце, дабы преподнести пульсирующий комочек крови и мяса предмету своего поклонения. Без колебаний поклянётся волосами Девы Марии, его цель воистину свята – он ни за что на свете не подверг бы себя тем испытаниям, какие вынужден терпеть сейчас. Обычно убийцы наслаждаются мучениями своих жертв и даже, если верить статьям газетчиков, испытывают сексуальное удовольствие. Тьфу ты, мороз по коже. Ничего подобного. Он всё осознаёт. Понимает, что это противозаконно. Но, увы, выбора попросту нет. Любви нельзя сопротивляться или бороться с нею. Ей можно только покорно служить, с восторгом преклонив колени.

Щегольски одетый кабальеро остановился на перекрёстке, взглянул на часы.

Цокая копытами лошадей, мимо проехал фаэтон с пьяным извозчиком, во всё горло распевающим похабную песенку. Кабальеро усмехнулся, провожая повозку презрительным взглядом. О Иисус, насколько же отсталая страна. В Европе давно только таксомоторы, но тут не редкость и крестьяне верхом на ламах. Он без конца изворачивается, чтобы не вступить лаковым штиблетом в дымящееся дерьмо. И вот так всюду. Отбросы, грязь, гниль, груды мусора. Подумать только, конкистадор Писарро, основавший это поселение, когда-то назвал его Городом Королей[2]. Однако влюблённый специально избрал убежище в Баррио де Чино. Дело не в деньгах – здесь проще затеряться, как в любом злачном месте.

Дворник-китаец в халате, подняв метлой облака пыли, церемонно поклонился:

– Добрый вечер, сеньор.

– Добрый вечер.

Приземистые пагоды экзотично смотрелись среди жёлтых испанских церквей. Решётчатые балкончики. Колониальные дома, коим сверху словно прибили гвоздями красные крыши с загнутыми кончиками. Сухие кокосы, опавшие с пальм. Отвратительно пахнущие гуанако[3] со свалявшейся шерстью соседствуют с дремлющими в грязи поросятами. Бумажные иероглифы и мягко колышущиеся на ветру красные фонарики. Резкий аромат духов-«самоделок» от немытых тел самых дешёвых шлюх. Запах прогорклого кукурузного масла смешивается с навозным амбре. Тут многие жители держат и загончики со свиньями, и бойни в качестве подсобного хозяйства – утром, когда идёт забой, приходится перепрыгивать через ручейки крови, сливающиеся в багровые лужи. Визг хрюшек стоит жутчайший, на одной-единственной ноте. Ничего вокруг не слышно.

И отлично. Ему тоже требуется заглушать визг. Правда, совсем других существ.

Человек поморщился. Да. Исключительно во имя любви. Прекрасной, неземной. Доселе не рождавшейся в природе низменного человечества. Он готов говорить о ней часами, пока

---

[2] Первоначальное название Лимы после основания в 1535 году отрядом конкистадоров Писарро – La ciudad de los Reyes, «Город Королей».

[3] Одна из разновидностей южноамериканской ламы.

не пересохнет во рту. Потом выпьет воды – и вновь без устали заведёт вдохновенный монолог. Склонившись на ходу, он взглянул на отражение в луже. Да уж, чересчур прифрантился для такой местности. Сшитый на заказ костюм, ботинки из кожи альпаки, фетровая английская шляпа… подтяжки на брюках парижские. Опасно? Лощёные щёголи привлекают внимание, но… мало ли богачей сюда пробираются, чтобы дёшево позабавиться с темнокожими девочками или забыться в опиумной курильне? Кроме августа, в Лиме всегда довольно жарко, однако кошмарный ветер с моря заставляет укутываться даже ночью… Ничего. Как только закончатся дела, он непременно уедет со своей любимой далеко-далеко – в Нью-Йорк, а может быть, и в Париж, пить шампанское и блистать на светских балах. Она старше, опытнее и умнее. А он в лепёшку разобьётся, чтобы любовь всей его жизни не разочаровалась в интеллектуальном недотёпе. Прохожий миновал ресторан с выставленной на пороге (под огромными красными иероглифами) статуей толстяка Конфуция, свернул в узкий переулок – штиблеты заскользили на камнях. Запах тухлой рыбы, чешуя… Святая Дева Мария, чего только нет в этом квартале.

А вот и нужная дверь – с двумя висячими замками.

Скрежет ключа. Он отпер оба – и быстро, молнией, метнулся внутрь помещения. Задвинул засов. Ох, вовремя… Из недр тьмы донёсся не то хрип, не то вой рыдающей женщины:

– Помогите мне! Люди! Ради Иисуса! Пожалуйста, помогите!

Похоже, *кукла* невесть как пережевала кляп из ткани и теперь орёт во всё горло. Женщины – удивительные существа, природа отвела им крайне высокую степень выживаемости. Собирать *куклы* из мужчин было бы гораздо проще, эти создания слабы, безвольны и практически не цепляются за жизнь. А с женщинами много сложней. Да, скорее всего, мерзавка измельчила зубами и выплюнула кляп. Надо было сразу бросить истеричку в *яму* к подружкам, но он не хотел возиться и терять понапрасну время: желательно, чтобы девица пребывала в полной готовности к его приходу. И вот как отныне поступать? Завяжешь кляп слишком туго – задохнётся, провисит лишние часы, придётся избавляться от полусотни килограммов ненужного мяса. А содержимое вен? Для ублажения любви необходима сугубо свежая кровь, иначе ничего не получится. Ладно, пусть себе кричит. Он тщательно обклеил стены у выхода тряпьём… Визжите, сколько душе угодно, вряд ли услышат… Правда, лишние меры предосторожности не помешают. И самое удивительное – где логика? Дурочка надеется выбраться – после того как видела его лицо? Да уж. Положи такую на гильотину, она и в момент падения лезвия, пока то не коснулось шеи, будет думать: а вдруг обойдётся?

Детский оптимизм.

Вот я засну, а весь ужас закончится. Проснусь – и монстр исчез. Бесподобная идея.

…Девушку он подвесил заранее, в самом конце скотобойни. Она могла лишь стоять, обе её руки перехватила цепь, тянущаяся к потолку. Лодыжки также были скованы – чтобы не лягалась. Завидев его, жертва снова закричала, на этот раз от бессилия и горя. Он сострадательно улыбнулся ей. Ещё одна ступенька на крутой лестнице к любви. Всего пятнадцать лет… Впрочем, в её народе в таком возрасте уже имеют двух или трёх детей. Смуглая кожа, чёрные глаза, пугающие старух сглазом, блеск мокрого от пота тела. Он держал девушку в плену голой, ибо старое тряпьё нищих индианок вызывало у него брезгливость, а то, во что он скоро оденет *куклу*, должно пахнуть цветами и свежестью.

Пленница в ужасе следила, как кабальеро снимал с себя одежду.

Едва он разделся до кальсон, жертва снова залилась криком и плачем. Вот же идиотка-то, а. Тут вовсе не о сохранности девственной плевы стоит беспокоиться, а о своей жизни. Ну конечно, эти девицы воспитаны в тупом овечьем покорстве католичеству, разве им свойственно мыслить о чём-то другом? Да, ему не нравится его занятие. Но, честное слово, поведение гостьи раздражает. Верещит на одной ноте, уши болят. И чего ради?

Он остался перед пленницей полностью обнажённым.

Девушка уже не кричала – только хрипела. Бедное животное! Да, он заставляет себя думать о *них* подобным образом – тяжело осознавать, что вытворяешь такое с людьми… А если считать их представителями фауны, то вроде и ничего страшного. Каждый день замужние дамочки, гимназистки и дети спокойно идут мимо мясных лавок с тушами коров и свиней, где в витринах подвешены ноги, головы и даже сердца бедных созданий, но всех вышеперечисленных расчленение не особенно-то волнует. Жертва для него… ну, скажем, хорошо вымытая, красивая свинка. И что, свинка искренне полагает, он разделся, дабы осквернить себя с ней? Боже упаси. Он непорочен. Бережёт себя для своей светлой и искренней любви, дарованной раз в жизни. Иисус свидетель, у него сейчас не наблюдается даже эрекции, а её, в общем-то, положено иметь мужчинам при виде голых женщин. *Кукла* сорвала голос и наконец умолкла: она в страхе уставилась на татуировки похитителя, сделанные красной и синей тушью. Достав из сундука в углу каменный футляр, человек вытащил оттуда кинжал дымчатого цвета, с величайшей осторожностью попробовал лезвие ногтем – всё нормально, острый, словно бритва. По коже тёк пот. Здесь так жаркодушно… Огоньки многочисленных свечей в комнате усиливают ощущение, – он чувствует себя индейкой в духовом шкафу. Он со свистом набрал в лёгкие воздух, выдохнул, подошёл к жертве вплотную: девушка, мелко трясясь от ужаса, уставилась на блестящий клинок. Монстр не спеша осмотрел её с головы до пят, задержав взгляд на груди.

То, что нужно. Еле заметные грудки подростка. Тёмные, почти чёрные соски.

– Пожалуйста, сеньор, – хрипло взмолилась пленница. – Не делайте мне больно.

Его брови слегка приподнялись вверх.

– Конечно, – тёплым, отеческим тоном сказал он. – Не бойся, детка. Я обещаю тебе.

Коротко, без замаха, он воткнул ей лезвие в левый глаз: по рукоять, разорвав ткани мозга. Девушка умерла в мгновение ока и уж точно не почувствовала боли… Он не какой-нибудь уличный прощелыга, чтобы не сдержать данное им слово. Кровь брызнула на руку, залила ему лицо – густая и горячая. Высунув язык, он с любопытством попробовал вкус. Секунд двадцать убийца ждал, пока закончатся конвульсии, после чего медленно, по миллиметру, вытащил нож из глазницы. Голову придётся выбросить – слишком грубые черты лица, не подойдёт к идеальному творению. А вот грудная клетка у девицы просто потрясающая, тут повезло. Он бережно вытер нож тряпочкой, вернул обратно в футляр. Да, скотобойня – самое подходящее место. Осклизлые стены, чёрные от впитавшейся свиной крови. Тяжёлый, забивающий нос запах гнили. Полумрак, еле разбавленный огоньками свечей… Красота! Пора за работу. Детали *кукол* могут храниться долго, однако он предпочитает свежесть. Убийца вывернул шурупы из наручников, тело девушки обрушилось на цементный пол. Отойдя в дальний угол подвала, он вскоре вернулся с *инструментами* – топориком и небольшой ручной пилой. Предстоит отвратительная процедура, хотя не сказать, что она так уж в новинку… Обычно это не его забота, но тут без вариантов – он заказал доставку нужных цветов. Благоуханные травы из предгорий Анд на первый-то раз сойдут вполне нормально, но в дальнейшем для *наполнителя* требуются специальные растения с особым ароматом. *Кукла* обязана быть потрясающей, в этом-то и весь смысл. К сожалению, женская природа такова, что лишь изредка встречаются молоденькие сеньориты, соответствующие всем критериям красоты. Нет на Земле никакой справедливости. Зажав в ладони рукоять пилы, он примерился…

…Примерно через час изрядно уставший, забрызганный кровью с головы до ног убийца упаковал часть *куклы* в мягкую материю (ткань сразу же промокла, на поверхности расплылись тёмные пятна), спустился по лестнице в потайную комнату. В прежние времена здесь, кажется, делали солонину – вот тут-то весьма пригодились ванны с соляным раствором, удобно хранить *детали*. Дверь открыта настежь: кого бояться в своём логове? Он готовился давно, оборудовал всё как следует – включая «холл» с наручниками под потолком, «гостиницу» для девиц, «камеру хранения» и даже «комнату отдыха», куда провёл телефон – что обошлось ему в приличную сумму на взятки. Но ничего не поделаешь, без аппарата никак: пройдёт совсем немного

времени, и этот дребезжащий гроб станет основным средством общения людей. Уж можете поверить.

Он перегнулся через край ванны с соляным раствором. Взглянул.

Так, и что же мы в данный момент имеем для полноценного набора? Голова у него уже есть, с прекрасными (пусть и потускневшими) голубыми глазами – среди перуанцев такие настоящая редкость. Правда, волосы каштановые, ну да ничего, он отмоет локоны от крови, профессионально завьёт, будет смотреться великолепно. Грудная клетка тоже имеется… Качественный таз, симпатичные бёдра… Да, *кукла* на сто процентов готова к сборке. Суровые нитки куплены заранее. Работа предстоит трудоёмкая. Кровь у новой жертвы он брать не стал – и так достаточно. Здесь же у ванны, посреди груды битого льда, стоят два чана, до краёв полные загустевшей красной жидкости. Все компоненты на месте, пора-пора собирать красавицу. Ох, боже ты мой! Сшить, одеть, раскрасить – и всё вручную… На это уйдёт целая ночь, а цветы и вовсе в самом лучшем случае привезут только к утру, – но результат, вне сомнений, превзойдёт ожидания. Сейчас он примет ледяной душ, затем выпьет крепкого чаю мате и займётся созданием прекрасного.

Утопив куль с останками девушки в соляном растворе, убийца зашёл в душевую. Холодная вода неохотно смывала запёкшуюся кровь – струйки лились по мордам татуированных существ, размывая потёки. Что-то в этом есть – принимать водные процедуры там, где мясники избавлялись от следов разделки свиней. Остатки тела из «зала» тоже нужно убрать – либо выбросить на свалку, либо отнести в «гостиницу». Вот дилемма. На свалку тащить опасно, а в «гостинице» сейчас с ЭТИМ тоже перебор.

Сквозь шум воды послышалось дребезжание. В комнате отдыха звонил телефон.

Спустившись, он взял трубку рукой, плохо отмытой от крови.

– Во имя любви, – послышалось откуда-то издалека.

– Да, – ответил убийца. – На веки вечные, лишь во имя одной-единственной.

Его лицо озарилось наивной, мечтательной улыбкой – как у ребёнка, увидевшего конфету.

Глава 4
Дневник

(подвал в трущобах на северной окраине Секс-Сити)

…Посреди тьмы – пятно света. В одном из углов обшарпанного помещения на полу, скрестив ноги по-турецки, сидит человек. Если выражаться точнее, даже не совсем на полу (всё-таки бетон – штука довольно холодная), а оседлав для пущей мягкости груду грязного тряпья, но это не суть важно. На его коленях – большой кусок картона, вроде как столешница. Сверху человек примостил толстую школьную тетрадь в клеенчатой обложке и что-то быстро пишет на её страницах шариковой ручкой. Качество плёнки очень плохое – «зернистое», размытое, светло-зеленоватое, – так в голливудских боевиках про спецназ показывают ночную съёмку. Зрители начинают откровенно роптать по поводу изображения, но сидящая впереди женщина поясняет, дескать, это укладывается в сюжет. Камера приближается, показывая кривые строчки на линованном листе, – в отблесках пламени похищенной из монастыря свечи.

…«И скажу вам откровенно, вы попросту не представляете, что это такое. Нет, честное слово. Почему-то каждый из вас наверняка думает: фигня полнейшая, – но ничего подобного. Пока сюда не попадёшь, ощутить грань кошмара невозможно – как не ощущал её я. Для чего люди вообще ведут дневник? Потому что им не с кем поговорить, и они изливают мысли на бумагу. Вот и мне не с кем. И в здешнем, и в моём мире меня сочтут сумасшедшим, поэтому я доверился в Сити всего лишь одному человеку, да и то не полностью. Возможно, всё происходящее – типичный бред воспалённого сознания, коль уж я (что подозреваю с самого начала) свихнулся. Знаете, это было бы просто отлично. Больше скажу – замечательно. По крайней мере, тогда я прекращу заморачиваться целыми сутками смыслом всего происходящего.

Хотя иногда мне думается: лучше было бы тупо сдохнуть.

Я, с вашего позволения, представлюсь. Зовут меня Олег Смолкин, возраст не пенсионный (32 года недавно стукнуло), и я продаю мобильные телефоны. Да, вы правильно угадали – я вовсе не владелец компании, а числюсь менеджером в салоне связи у метро «Чеховская». Да, это я подхожу к вам и спрашиваю: «Могу ли я вам помочь?», а вы в девяноста процентах случаев завуалированно посылаете меня на хуй. А в десяти процентах – совсем незавуалированно. Но не важно. Предчувствую, вы уже скривились: о, мужику четвёртый десяток, а он пашет в салоне сотовой связи, неудачник… ну пиздец, ребята, прям вот все ваши знакомые исключительно олигархи. Да, я продаю смартфоны, и меня это по жизни устраивает, – я не претендую на пост президента или кресло главы «Майкрософт». Торговать мобилами – то, что я умею сносно делать. У меня есть две трёхкомнатные квартиры в Москве (обе достались от покойных бабушек – клёво быть единственным внуком!), в одной я живу, а вторую сдаю и коплю деньги на путешествия – это моя страсть. Я владею пятилетней «Киа-Рио», машинка вполне на ходу, хотя иногда ломается. Не могу сказать, что пользуюсь страстной любовью женского пола, но последнюю пару лет у меня отношения с Викой… Ну то есть как отношения… то сойдёмся на пару месяцев, то разойдёмся. Вика недовольна фактом, что я продаю телефоны и не стремлюсь к чему-то большему. По её представлению, мужик обязан быть качком с отличной фигурой, генералом, слоном, телезвездой и гибридом вибратора с банкоматом одновременно. Чтобы было кем перед подружками хвастать. Ну, в общем, в тот злополучный вечер я собирался с ней встретиться и повести в киношку на нечто голливудское. Однако мы, как частенько в последнее время, поцапались из-за мелочи. На работе тоже не складывалось – шеф обругал за плохие показатели продаж, в сотый раз обещал уволить. Пришёл домой – настроение отвратное. Вытащил из холодильника привезённый из Испании хамон, порезал кое-как, открыл пиво… ну, выпил там… потом отлакировал «Белой лошадью»

сверху… совсем грустно стало. Только на нормальный секс настроился, как Вика продинамила. Дура. Включил с горя порнушку – шведскую, кажется, – вот так, с пультом в руке (а не с тем, что вы подумали), перед теликом и уснул.

Короткое затемнение. Вспышка света. Пишущий смотрит в камеру.

Пробуждение было чумовым. Такие приключения случаются исключительно в сказках – правда, не в тех, какие пишутся для детей. Я лежал навзничь посреди покрытой цветами поляны, а верхом на мне сидела девушка фотомодельной внешности. Абсолютно голая, и довольно-таки ритмично двигалась. Самая первая мысль: «Я ещё сплю». А кто бы, интересно, на моём месте подумал иначе? Я окончательно убедился, что витаю в подростковых грёзах, когда к нам из кустов подползла вторая девица – блондинка с умопомрачительно большим бюстом – и спросила, не может ли она присоединиться.

О ГОСПОДИ БОЖЕ, ДА!!! ТЫСЯЧУ РАЗ – ДА!

Секс закончился быстро (извините, было просто ну слишком хорошо), дамы сразу потеряли ко мне всякий интерес – не потрудившись одеться, тут же ушли, игриво повиливая филейными частями. Я постепенно приходил в себя. Похоже, я очутился где-то за городом, на природе, конкретно в том, в чём уснул у себя в квартире, – футболке и джинсах. Отсюда следовал вывод – я всё ещё сплю. Что ж… сон на диво отличный, впечатления замечательные, удовольствие от секса выше крыши. Бесцельно гуляя по лугу, я вышел к трассе, на остановке сел в автобус. Билетики продавала симпатичная кондукторша в синей униформе. Она дала мне наглядно убедиться, что забыла трусики дома, и ненавязчиво сообщила: оплата за проезд принимается одна – сексом. Я расплатился без проблем, жарко возлюбив её на одном из потёртых сидений, а потом, повинуясь случайному порыву, вышел на центральном проспекте неизвестного мне доселе города. Тут бы мне, конечно, следовало догадаться, однако я не сообразил…

Он выглядел как сплошной квартал красных фонарей.

Пип-шоу. Порнокинотеатры. Стриптиз-бары. Стойки с эротическими журналами. Самое удивительное – всё предлагали бесплатно. А девушки… Нет, тогда я не раскусил их суть.

Они с ходу распознали новичка. Учуяли запах агнца, подобно матёрым волкам.

Я не понимал смысла происходящего. Все существа женского пола вокруг хотели только одного – меня. После третьего соития на глазах у посетителей кафе (они не только не возражали против аморалки, а окружили нас толпой, восхваляя, радуясь и хлопая в ладоши) я заподозрил – похоже, что-то здесь не так. Четвёртое занятие сексом (находясь в душевном раздрае, я попросил у первой попавшейся студентки в клетчатой мини-юбке сигарету, она в ответ предложила трахнуться) прошло как-то вяло и вообще неважно… Потом я смекнул, что *клетчатые* – самые опасные и ненасытные существа. Меня начало тошнить, стало плохо, закружилась голова, я сел на тротуар и попросил прохожих вызвать «Скорую». Она приехала подозрительно быстро… Внутри реанимобиля прятались две стройные медсестрички в халатах на голое тело. Откровенно запаниковав, я выпрыгнул из машины на ходу, ободрав ногу… Хромая, ввалился в местное отделение полиции, и что? Там вовсю шла оргия между полицейскими и подозреваемыми. Поняв, что сейчас служительница порядка пристегнёт меня наручниками к решётке, а потом яростно отымеет по самое извините, я позорно сбежал и провёл следующую ночь в лесу.

Засыпая в тени дуба, я был полностью уверен – это бред. Неизвестные идиоты или злоумышленники подмешали в пиво химический галлюциноген. Завтра кошмар кончится. Но когда я проснулся, то в ужасе узрел: совершенно ничего не изменилось. Всё осталось на прежнем месте – и пульсирующая болью нога, и блистающий неоном огней на высоком холме Секс-Сити (тогда его названия я ещё не знал), и рыщущие в поисках партнёров для групповухи парочки. И лишь к исходу недели, прячась от озабоченных женщин, избегая полных животной похоти взглядов *клетчатых*, а также сорокалетних баб с причёсками школьниц

в стиле «свинячьи хвостики», я укрылся в глубине подвала – по наитию загнанного зверя. Только тогда до меня дошло, что же случилось.

Я ПОПАЛ В ПОРНОФИЛЬМ.

Упреждая ваши умные вопросы – я понятия не имею, как именно оно произошло. Помню одно: отключился перед теликом после выпивки, а проснулся уже в порнофильме. Простора для размышлений нет. Пункт первый – я сумасшедший, пункт второй – я действительно нахожусь в порнухе. В обоих случаях трепыхаться бессмысленно. Психи уверены в реальности своего бреда, а если я здоров, то тем хуже для меня, здесь свихнуться недолго. Порно – сказки для взрослых. Вот только раньше я не подозревал – эти сказки из разряда мрачных, леденящих кровь готических ужастиков. А сначала-то наивно думаешь: когда все бабы скопом тебя хотят, – да разве это не рай? О, блин… Как же я ошибался, причём самым чудовищным образом. Сомневаетесь? О'кей, присядьте, подумайте хорошенько: сколько вам ежедневно требуется секса? Ну, три раза. Ну, ладно, четыре максимум. И дальше? В Секс-Сити почти нереально выжить, если не трахаться раз в три часа. Дело даже не в потребностях организма. Необходима оплата поездок, еда, жизнь в гостиницах, а за всё это, извините, берут исключительно натурой. Женщины в мире порнофильма – озверевшие от похоти самки, готовые заниматься любовью круглосуточно: на улице, в офисе, в кабине лифта, в машине, в самолёте… Неделю я ещё как-то выдержал, но потом стало элементарно страшно ходить по улицам. Здесь всё по-другому. Если дома ловят ночного грабителя – в полицию не звонят, его просто заставляют трахать хозяйку. От школ лучше держаться на расстоянии пушечного выстрела: там опасны как училки, так и орды осатаневших от воздержания учениц, начиная с восьмого класса. В больницах никогда нет антибиотиков и бинтов, но зато полным-полно горячих докторов и медсестёр – ведь экзамены в медицинский только затем и сдают, чтобы вдоволь порезвиться на койках в госпитале. Сантехник – профессия красавцев, ремонтировать унитазы и менять прокладки приходят длинноволосые полубоги с внешностью манекенщиков. А что касается фотомоделей, тут девушки попадают на глянцевые обложки после секса со спонсорами – но говорят, это и у нас так. Самые красивые дамочки мира порно обожают спать с разными уборщиками, дворниками, нищими или футбольной командой через минуту после знакомства, восторженно культивируя стиль жизни неразборчивых блядей. Что ещё? Здешние женщины без ума от анального секса. Горничные в гостиницах обязательно спят с постояльцами – это входит в оплату номера. Туалеты всегда заняты – там кто-то трахается. Товары в секс-шопах положено примерять. Свадьбы устраиваются только для того, чтобы гости могли совместно поиметь невесту. Да, это и есть наш Секс-Сити.

Я здесь уже полгода. И отлично научился выживать.

Секс-Сити разделён на кварталы. Садомазо, любительское порно, вычурные виллы (обязательно – с бассейном) шведской студии Private (собственно, под её порнушку я и вырубился), извращения вроде Maximum Perversum, чистенькие проспекты немецкого района «Дас ист фантастиш», увитые плющом деликатные французские пригороды. В пяти часах езды отсюда раскинулись посёлки в стиле Дикого Запада из порнухи семидесятых, полные лихих обитательниц в шортах, ковбойских шляпах, с накрученными на бигуди локонами и лоном, не знавшим прикосновения бритвы. Именно туда, как верно заметила моя добровольная помощница, и сбегают измочаленные мужчины. Да, женщины там столь же всеядны и развратны, зато порно того времени снимали с одного дубля, а значит, если меня поймают, расплата не продлится больше сорока секунд. Вы смеётесь надо мной? Вам весело, да? Ну конечно. Чувак попал в рай, где все бабы дают первому встречному, а он сидит в подвале, с головой зарывшись в старые тряпки. Ха-ха. Так вот, вы как-нибудь на досуге загляните в квартал садомазо. Копии ведущих порноактёров, вроде Джона Холмса или Рокко Сиффреди, пробыв там всего недельку, рыдают как дети. Самое страшное, этот воображаемый, призрачный мир сексуальной свободы жесточайше реален. Я уже говорил своей союзнице: здесь можно умереть. Каждую неделю я вижу

похороны – люди в чёрном несут гробы бедняг, затраханных до смерти. Обычно, не доходя до кладбища, процессия распадается: её атакуют жадные до любви женщины, отсекая и блокируя существ мужского пола. Да, в этом мире мы именно существа. Бесправные. Заезженные. Измученные. Просто мясо.

Ооооо… простите, мысль сбилась. Что бы я сейчас не отдал за кусок жареного мяса! Да хоть бы и с кровью. Я жаловался моей подруге – в Секс-Сити отсутствуют деликатесы, еда плохо приготовлена, без соли и приправ. Немудрено: рестораны приспособлены только для занятий любовью на столике, – клиенты заказывают лишь напитки, да и то для вида. С каким бы удовольствием я откусил от сочного, брызжущего оранжевой сладостью апельсина… Но где его найти? Огурцы, морковь, бананы. НЕНАВИЖУ. Бананов вокруг особенно много – думаю, всем известно почему. От яблок отвык. Можно, конечно, рискнуть достать сосисок, но сугубо по знакомству, и по большей части они бутафорские. Полно взбитых сливок и шоколада, вот это кошмар… Ещё полгода такого питания, и сахарный диабет не за горами. Страшная жизнь. Люди, как же мне выбраться отсюда?

Человек смотрит прямо в камеру, усмехается.

Сначала, долгими ночами, думалось – я здесь в наказание. В одной умной книге сказано: «Абсолютно любого человека можно посадить в тюрьму на 10 лет, – и в глубине души он будет знать, за что». Да, так оно и есть. У меня много грехов. Я лгал, прелюбодействовал, чревоугодничал, весьма результативно желал жену ближнего своего (причём не единожды и в разных позах) и до хрена всего другого. Я и в церкви-то не бываю. Но отчего-то, с дикого перепугу, мне вдруг подумалось: стану вести праведную жизнь, грехи сразу же простятся. Ну да, когда самолёт падает, все разом каются и обещают Господу исправиться, а едва посадка состоялась: «Уфф, и придёт же в голову фигня всякая!» Поначалу в Секс-Сити я сделался образцом паймальчика и горячо молился каждый вечер в подвале. Исступлённо, в пустоту. Если рассчитывать больше не на что, это безумно страшно. Так вот… я потерял надежду на бога через месяц и принялся искать другие пути: любые, лишь бы выбраться. Ходил на разведку в самые опасные районы, где снимается «снафф» – киноленты с настоящими убийствами. Пробирался в квартал «средневекового» порно, – весьма прикольно, когда у актрис в громоздких платьях XVIII века имеются силиконовая грудь и эпиляция в интимных местах. О, кстати, о силиконе. Этот материал – божество города. Деревни семидесятых страшно ненавидят новшество девяностых, называют наших девушек «надувными куклами», – как рассказывают, в прежние времена орды актрис эпохи хиппи (с натуральной грудью и буйной растительностью ниже живота) совершали набеги на окраины Секс-Сити, предавая огню целые улицы, но в итоге сторонницам силиконовых улучшений удалось отбиться – с помощью вибраторов нового поколения. Да, порно эволюционирует вместе с человечеством, и в городе возникают новые районы. Подумать только, сотню лет назад тут не было ни Private, ни Vivid Colours! В горные посёлки нелегальной ретропорнографии и сейчас возят экскурсии, называя местных жителей дикарями… Признаюсь, и я разок тоже съездил – прикольно же посмотреть на чёрно-белых голых женщин.

Но всё было тщетно.

Однако в тот самый момент, когда я окончательно пал духом, поняв, что обречён сгинуть в пучине лубрикантов и обнажённых тел, вдруг явился проблеск надежды. Я случайно наткнулся в квартале извращений на девушку, которая в силах мне помочь… Нужно лишь найти важные артефакты. Сейчас бы радоваться, но я ощущаю неясную тревогу. Появились странные мысли, будто по неизвестной причине я нахожусь в опасности. Не поверите – постоянно чувствую, словно за мной кто-то следит. Конечно, это паранойя.

Огарок свечи еле тлеет, человек склоняется над страницей на своих коленях, почти касается лбом, стараясь дописать строчку. Оператор «отъезжает» вдаль – и зрителям в кинотеатре наконец-то становится ясно, почему подвальную сцену показывали в столь ужасном, «зернистом» качестве любительской записи. Неизвестная персона, сидя перед монитором своего ком-

пьютера, наблюдает трансляцию пишущего дневник через видеокамеру: очевидно, установленную и замаскированную где-то в помещении подвала. Наблюдатель поворачивается, но во тьме его лицо трудно разглядеть. Только блеск глаз – холодный, словно у волка.

Глава 5
Художник

(Лима, возле Плаза де Майор, 20 октября 1931 года)

…Михаил тщательно разжевал новую порцию листьев коки. Терпкий и неприятный вкус, зато в голове сразу же проясняется. Он почти неделю практически не спал, и было с чего. Новость, что в центре Лимы посреди луж крови нашли *куклу*, виртуозно сшитую из трупов четырёх разных девушек, ожидаемо потрясла даже такого прожжённого циника, как *эль президенте*. Заместителя министра Хуареса вызвали в президентский дворец и, не мудрствуя лукаво, пообещали публично расстрелять на площади, если расследование не продвинется в самое ближайшее время. Все, конечно, понимали: *эль президенте* шутит. Максимум, на что он способен, – это тайно завернуть своего политического противника в ковёр и бросить ночью в море… С политиками такое всегда можно, а тут нельзя – *эль президенте* опирается на полицию после переворота.

Мигель отхлебнул обжигающего кипятка, перебивая вкус листьев.

Поставил чашку на стол, и звук потерялся в какофонии звона и лязга. Время обеда – оно в Перу столь же почитаемо, как и плод чрева Девы Марии. Полицейский участок походил на переполненное кафе для посетителей среднего достатка. Пара толстяков в чёрной форме обстоятельно поедала севиче – сырую рыбу в лимонном соке, – таская кусочки с блюдца без вилки, прямо пальцами, фотограф Фелипе, гремя ложечкой, пил кофе с лимонным пирожным, а медицинский эксперт Ломес резал на маленькие ломтики жареную морскую свинку – местный деликатес, именуемый в Перу ласкающим русское ухо словом «куй». Михаил так и не смог преодолеть отвращение к экзотическому лакомству и угощения куями вежливо, но непреклонно избегал. Он ещё раз просмотрел пару листов машинописного текста. На столе стопкой лежали глянцевые, не ретушированные фотографии. Итак, расследование показало: за последний месяц в Лиме и окрестностях как в воду кануло более тридцати девушек в возрасте от 14 до 17 лет, в основном из бедных семейств. Особого значения этому не придали: люди пропадают сплошь и рядом. В семьях по восемь – двенадцать детей, одним ртом меньше – никто тревогу бить не станет, ещё и порадуется. Может, барышни сбежали с возлюбленными, нанялись в жрицы любви, устав от вечного безденежья, присоединились к бродячему цирку. Поэтому и заявлений об исчезновении девушек в большинстве своём не было. Индейцы-кечуа философски относятся к жизни: потерял ребёнка – роди другого, тем более рожают они буквально каждый год.

Не меньше тридцати испарившихся девиц.

Четырёх нашли. Сшитых в одну *куклу*, набитую ароматическими травами из предгорий Анд, раскрашенную кровью с толчёным золотом. Внутренности и кости изъяты, по всему периметру жертвоприношения разлита кровь. Стало быть, упомянутые останки, включая кожу и «лишние» части туловищ, надо куда-то девать. Согласно приказу Мигеля полицейские роются в столичных свалках мусора, осматривают берег океана и тщательно опрашивают толпы завсегдатаев злачных районов. Нет, горожане ничего не видели. Подумаешь, украли три десятка индейских шлюх – кого, простите, это заинтересует?

Ещё глоток кипятка. Кока расползается во рту хлопьями.

Кукольник явно пытается что-то сказать. И не только ему – всему остальному миру. Громко заявить о себе. Ведь очевидна игра на публику, газеты только и публикуют фотографии с места резни: парень наверняка сейчас делает вырезки из прессы и втихую ликует. «Мясники» обожают славу. Джек-потрошитель посылал полиции письма, написанные кровью, с кусочками внутренностей жертв. Интеллектуальный палач доктор Генри Холмс, первый серийный убийца в истории США, умертвивший в конце XIX века около двухсот человек в Чикаго,

всегда досконально изучал публикации о себе. Отправлял журналистам в редакции обиженные анонимки: «Нет, мистер, дело было совсем не так». Воспитанник строгой католической школы француз Жозеф Ваше, жуткий монстр с парализованной половиной лица, между 1894 и 1898 годами изнасиловавший и убивший 11 мальчиков и девочек-подростков (преимущественно урод «охотился» на пастухов в деревнях), просил, чтобы в тюрьме ему вслух читали, как пресса описывала убийства, и откровенно наслаждался популярностью. Так и тут. Маньяк готовился к выходу на сцену театра, как опытная примадонна, обставляя появление как можно эффектнее. Оркестр, фейерверки, аплодисменты. Но вот вопрос – кем именно он является на самом деле?

Михаил приоткрыл глаза, созерцая ящерицу-геккона на стене.

Убийца явно человек творческой профессии. *Кукла* создана любителем, профессиональные чучельники работают иначе. Но это не пошло в минус творению, скорее наоборот. Оно сшито тщательно и с любовью – Художник (как окрестила убийцу пресса), вне сомнений, успел потренировался на других объектах. Думается, он пробовал рисовать картины либо ваять скульптуры, но его работы жестоко изругали критики и отвергли ректора университетов. Что происходит далее? Человек впадает в образ одинокого непонятого страдальца и мечтает всем доказать свою гениальность, состоявшись в иной ипостаси… Ну как тот страшно популярный нынче политик из Германии, чьи наивные полудетские акварели не произвели впечатления на учителей. Как его имя? Альберт? Адольф? Не важно. Теперь Художник создаёт главное «полотно» своей жизни. Полноценный шедевр. Ювелирно, по крупицам, любуясь качеством изделия. При этом гибнут девушки? Ерунда. Во-первых, парень свихнулся, а во-вторых, кого из творцов заботит жизнь людей? Художник не возбуждается на голую натурщицу, она для него такой же предмет, как свиная нога. Пергамент для особо качественных рисунков раньше мастерили из кожи ягнят, и вряд ли мастера обеспокоились судьбой овечек.

Мигель с ненавистью втянул носом запах севиче. Эх, сейчас бы щец суточных…

Обязательно чтоб горячих. И стопку водки… Глухомань, ни одного русского ресторана днём с огнём не найдёшь. А сам-то готовить не приучен – столбовой дворянин, да-с. Столько лет здесь уже – всё перебивается съёмным углом, пробавляется продажной любовью за два соля в час и питается всякой сухомяткой. Да и то, когда последний раз пробавлялся? Вот-вот, сейчас даже шлюху не хочется. Ведь для чего русский берёт гулящую девицу? Американец, англичанин, француз известно по какой причине – простительной мужской слабости. А нашему этого мало. Следует напиться с девчонкой вдрызг водки, спеть песен, поплакаться о коварстве ушедшей возлюбленной да о судьбинушке своей горькой. На Руси любая блядь – психолог. Только в Перу и пить, и разговаривать не с кем, чики в салоне сеньоры Эльвиры ни слова по-русски не знают. Так, что-то он увлёкся переживаниями. К делу, сударь, к делу. Стало быть, убийца – обиженный, недооцененный творец, коему отказали в возможности заниматься делом всей своей жизни. Сейчас он укрылся в кромешной тьме, наблюдая за реакцией публики на устроенный им красочный спектакль, улыбается и жаждет букетов с бурными овациями. Что же касается похищенных девушек… Тут не нужно быть провидцем. Либо все уже мертвы и превращены в сырьё для *кукол*, либо он прячет их где-то живьём… Для такого количества людей нужны большие пустующие помещения в окрестностях города. Сейчас на заброшенные склады отправлены городовые, по-хорошему, следует обыскать и ближайшие к столице деревни, но где напасёшься столько полицейских? Да и работают местные, откровенно говоря… Тьфу. Мы всё матушку Россию ругаем, а как индейский народ привык трудиться? Поели, помолились, обсудили проблемы соседа Педро, опять помолились и поели, потом очнулись и по чуть-чуть, с горем пополам, принялись за работу. Сто раз так было – пошлёшь полицейского с важным заданием, а через три часа встречаешь в уличном кафе на Плаза де Армас – сидит, подлец, пьёт *писко* с яйцом, глазки сеньоритам строит. «Ты почему не на месте?» – «*Эль капитано*, я на секундочку присел, сегодня так жарко». Похоже на русских, но наши если

напьются вдрабадан и пойдут кому-нибудь морду бить, то обязательно ПОСЛЕ работы. Зато утром перед походом на службу окунутся в ледяную воду, залпом хлобыстнут стакан ядрёного рассольчика, и на улочку, с ясными глазами – трезвые, аки голуби господни. Тут же отношение к работе, вкупе с беспардонным любопытством, ужасно бесит. Вот и сейчас тщедушный низкорослый индеец, уборщик Энрике, стоя у его стола, склонил голову набок так, что она грозила отвалиться, – вглядывается в фотографии жертвы. Вечером дома небось с апломбом расскажет, как помогает в расследовании самых сложных преступлений, а эти бездари из полиции смотрят ему в рот, выполняя все приказы.

Геккон, тревожно вильнув хвостом, скрылся.

– Прошу прощения, сеньор.

Мигель не смог скрыть откровенного раздражения:

– Что тебе нужно?

Грязный палец индейца ткнулся в глянцевую фотографию:

– Вы знаете об этом?

Мартинес закатил глаза. Сейчас он перевернёт стол и будет бить ублюдка ногами.

– Да, Энрике. Я как раз в процессе расследования. Убили четырёх девушек. Если ты…

– Нет-нет, сеньор, – перебил его уборщик. – Другое. Вы знаете, что это за дерево?

– Ну и? – снисходительно осведомился Михаил.

– Магнолия, – тихо произнёс индеец.

– Спасибо за экскурсию в ботанический сад, – издевательски произнёс *эль капитано*. – Когда снова появится горячее желание помешать моей работе, всегда обращайся.

Тёмное лицо уборщика налилось краской стыда и возмущения, но ответить он не успел.

…Хлипкая дверь полицейского участка распахнулась настежь от сильного удара. На пороге, обливаясь потом, стоял заместитель министра внутренних дел Хорхе Хуарес. В ту же секунду Мигель понял: маленький толстяк перепуган до дрожи в ногах.

– *Эль президенте* убьёт меня, – прохрипел чиновник. – Мы нашли вторую *куклу*…

Глава 6
Квартал ужасов

(южная окраина Секс-Сити, глубокая ночь)

…Темно. Под противно моросящим дождём в красном свете фонарей шагают две девушки. Одна – с лёгким макияжем, одета в короткое платье, приоткрывающее чёрные в сеточку колготки, – и вся такая воздушная, как бы порхает над мостовой. Другая ступает по камням громоздко, подобно ломовой лошади, её мускулистые ноги в растоптанных туфлях то и дело подламываются: дамочка закутана в мохнатую шаль, лицо наполовину скрыто – над тканью мигают два огромных перепуганных глаза. В нашем мире любой житель России вспомнил бы Керенского, согласно легенде, покинувшего Зимний дворец в женском платье. Но в порно мужчины в дамской одежде встречаются нередко, особенно в таиландском районе среди «леди-боев». Плёнка изрядно заезжена, временами расплывается и «слоится», звук пропадает – похоже, нам показывают старую видеокассету, найденную подростком в родительском шкафу. Размалёванные девицы с бледными лицами и кровавой помадой, чем-то олицетворяющие коллективного Джокера из «Бэтмена», провожают пару взглядами. Зрители одобрительно уставились на экран, аппетитно похрустывая попкорном, и с нетерпением ждут развития сюжета.

…Олег утешал себя, что рисков в тёмное время суток куда меньше, чем обычно. Нет, ночью здесь не спят, разврат длится круглосуточно. Он переоделся женщиной, хотя не очень-то напоминает девицу – скорее пенсионерку, давно смирившуюся с синевой от щетины на подбородке. Но по крайней мере в путешествии по опасным закоулкам он обрёл верного союзника. Девушку родом из редкого изощрённого порно, в стиле романа Куприна «Яма» (Олег читал его в подростковом возрасте, когда ввиду гормонов запоем поглощаешь ВСЕ подобные книги), – короче говоря, Жанна нашла приют в маленьком райончике Секс-Сити, древней обители самых настоящих девственниц. Особенность утех с ними, в общем-то, состояла в запуске мужчинами невинной девы по кругу: они посещали с эротическими экскурсиями все её палаты, кроме самой главной. Фальшивых девственниц среди порнографов тоже всегда было предостаточно, начиная от Трейси Лордс[4] и заканчивая воспетой Bloodhound Gang Джейси Лейн, – правда, прообразы звёзд и тут вели жизнь селебрити – попасть к ним на приём было не так-то уж просто. Но одно дело искусственная девица, изображающая дефлорацию путём актёрства, и совсем другое – натуральная: это особая каста. Они познакомились с Жанной случайно, в очереди за автографом к Чиччолине[5], считавшейся чем-то вроде верховной жрицы культа Фаллоса, – тогда вконец обезумевший Олег пытался приносить жертвы всем богам подряд, лишь бы выбраться из Секс-Сити. Худенькая, коротко стриженная, Жанна сразу покорила его извинением, что не сможет прямо сейчас заняться с ним сексом – по причине девственности, а также отсутствия рядышком ещё пяти мужчин.

Они долго шли в полном молчании, переступая через лужи.

– Слушай, – не глядя на него, спросила Жанна, – а зачем вообще в вашем мире порно?

Вопрос застал Олега врасплох.

– Нуууууу, – протянул он, стараясь убить время. – Просто, чтобы расслабиться.

– Вам так трудно расслабиться друг с другом?

---

[4] Знаменитая актриса порно восьмидесятых годов XX века. В 16 лет, подделав документы, снималась нелегально. По этой причине её фильмы «для взрослых» после разоблачения были изъяты из продажи. Пережив скандал, пыталась сделать карьеру в Голливуде, однако прежнего успеха не имела.

[5] Настоящее имя – Илона Сталлер. Культовая фигура порно, начала сниматься в 32 года в Италии, приняла участие в десятках фильмов класса «хард» с групповым сексом. Единственная порнозвезда в мире, избранная депутатом парламента.

– Да, отчасти, – вздохнул Олег. – Люди спокон веку любили подглядывать в замочную скважину. Когда я был на экскурсии в музее порно в Амстердаме, нам рассказывали: римский император Тиберий, будучи уже дедушкой, специально устраивал у трона мини-оргии – двое патрициев на одну матрону, две матроны на одного патриция. Ему нравилось именно смотреть, благо сам он был старенький и участвовать при всём желании не мог. Но, видимо, императорский дворец не вмещал всех желающих зрителей, и поэтому подобные представления стали давать в заведениях побольше – лупанариях Рима и Афин. В средневековых борделях, особенно в Венеции, наблюдение за групповыми вакханалиями через просверленную дырочку в стене стоило дороже, чем ночь с тремя девушками, – и, представляешь, от знатных клиентов не было отбоя. Дальше на рынке услуг появилось эротическое кино – в начале XX века чёрно-белое, а после легализации порнографии во всём мире наступает золотой век секс-индустрии… Был такой анекдот: для мужчины переспать с женщиной стоит сто долларов, поглядеть в замочную скважину на секс посторонних – двести, а понаблюдать за наблюдающим – уже триста баксов. У нас самыми популярными телевизионными шоу были «Дом-2» и «За стеклом». Там парочки, помещённые в специально оборудованную студию, ссорились, дрались, любились… И не поверишь, какой был сногсшибательный рейтинг!

Жанна замерла – пыталась осмыслить сказанное.

– Хрень какая-то, – неполиткорректно удивилась она. – Почему ваши мужчины не спят с женщинами, а смотрят, как их трахают другие? Разве это не противоестественно?

– Да как тебе сказать, – вкрадчиво сообщил Олег. – Понимаешь, в Москве такая суровая жизнь. Времени ни на что не хватает. Чтобы снять девушку… Это ж только в вашем мире подошёл к любой и сказал: «Пошли трахаться»… Тут и вякнуть не успеешь, как за столь ценное предложение сумочкой в морду огребёшь, а сумочки сейчас пошли ужас тяжёлые – айфон, айпад, косметичка, – перелом челюсти в момент заработаешь. Нужны цветы, конфеты, в кино сводить… Лапши всякой разной на уши вдоволь понавешать…

– У вас при сексе используют лапшу? – приподняла брови Жанна.

– Я не в том смысле, – исправился Олег. – Но когда осталось пять дней до зарплаты и в карманах полный аут, разыгрывать из себя крутого соблазнителя сложно. А тут пришёл после работы, выпил пивка, включил порно и за десять минут культурно отдохнул.

– В каком смысле?

– Давай лучше я не буду объяснять.

Они двинулись далее, и Олег, жмурясь от света красных фонарей, старался не смотреть по сторонам. Ему казалось, что сейчас все женщины вокруг поймут, кто он такой. Пускай маскировка (хотя бы издали) выглядит вполне прилично, голодные *особи* чаще всего непредсказуемы. Кроме того, в мире порно женщины поголовно бисексуальны, и это делает разоблачение ещё страшнее. Жанна собирала ему одежду больших размеров по знакомым толстухам из района Maximum Perversum, он чувствует себя в ней ужасно, вышагивая, словно дрессированный верблюд. И как извращенцы получают удовольствие, переодеваясь в бабские шмотки? Ноги от каблуков отваливаются напрочь, пульсируют болью. Лифчик с фальшивой грудью, похоже, натёр кожу до крови. Стринги (настояла Жанна – «а вдруг придётся поднять юбку») застряли понятно где.

– Значит, смотреть на секс интереснее? – вернулась к теме спутница.

– Ты для начала возьми да поживи в нашем мире, – огрызнулся Олег. – Конечно, отсюда легко сделать вывод, что мы психически больны. Однако не всё так просто. Мы живём в эпоху, когда людям катастрофически не хватает двадцати четырёх часов в сутки. Фейсбук, Вконтакте, Одноклассники, сериалы, игры… Загляни разок к нам в метро: как бесплатный wi-fi включили, парни с девушками друг на друга не смотрят, поголовно уткнулись в телефоны с планшетами. Ни у кого ни на что нет времени, в том числе завести реальные отношения. Зачем? Припекло, так куда проще разрядиться виртом, не уходя далеко от монитора. Или включить

«дас ист фантастиш»: красивые люди профессионально сексом занимаются, с дивной акробатикой, деньги за такие упражнения получают. А трахаться? Устал в офисе к вечеру зверски, спать смертельно охота, подумаешь: ууу, ещё одеваться, бриться, ехать, за номер в отеле платить… да ну на хер.

Жанна остановилась, уставилась на Олега с открытым ртом.

– Да вы что там, совсем охуели? – произнесла она звонким девичьим голосом.

– Ну… – замялся Олег, по-лошадиному переступая с ноги на ногу.

Жанна безнадёжно махнула рукой. Дальше шли в полнейшем молчании. «Дожил – последняя блядь из порнофильма обвиняет меня в неправильном образе жизни, – мрачно думал Олег. – Хотя в моей ситуации не это самое худшее. Вот опять интересно, сошёл я с ума или всё это действительно наяву? Скажем, я впал в кому и брожу в закоулках своего сознания. Правда, если у меня всё мозговое вещество состоит сугубо из воспоминаний о порно, значит, с порнухой давно уже пора было завязывать».

Натягивая шаль на голову, он мысленно молился всем богам.

Они прошли по небывало опасным улицам, мимо зданий школ – здесь прячутся одни из самых страшных охотниц Секс-Сити, тщетно пытающихся утолить свою звериную похоть. В декорациях легко угадать фильмы Little Girls Blue, российскую «Школьницу», снятую в учебном заведении города Питера, массу немецких «Девичьих интернатов». Из-за оград за прохожими внимательно следят голодные глаза – а вдруг появятся мужчины? Это чуть лучше, чем попасть в монастырь, – здесь хотя бы есть шансы вырваться. Судя по фильмам немецкой студии Magma, школьницы предпочитают охотиться на самцов большой стаей, от пяти человек, – так проще завалить жертву. Но девичьи руки слабы, а вот если к ним присоединяются опытные самки – матёрые учительницы математики и географии, – тогда верная смерть. Есть и другие плюсы, в отличие от зловещего монастыря. В школе несут трудовую повинность учителя физкультуры, завучи, директор, повара – все мужчины, и эти одинокие мученики понемногу оттягивают на себя пыл женской страсти: школьницы, в отличие от монахинь, при поимке не залюбят тебя до смерти. Хотя, конечно, страху не оберёшься. Лицеи студии Private – изощрённые арены насилия и изуверств: курсистки походят на лоснящихся кобылиц, с пирсингом, без единого волоса на смазанных лосьоном телах… Мутанты нового времени! А «Русский институт» Дорселя! Французские родители точно осознают, зачем отвозят дочерей в закрытые пансионаты? Судя по такому кино, у малышек сплошь бешенство матки. Вскоре квартал школ закончился, но это не принесло Олегу облегчений – начался район сказок, со средневековыми платьями, по-диснеевски затейливыми башенками разноцветных замков и мощёнными крупным булыжником улицами. Олег уже знал, что это такое, и втянул голову в плечи. Белоснежка в произведении Луки Дамиано – вконец озабоченная нимфоманка (и лучше не спрашивайте эдак наивно, чем именно она по прихоти режиссёра занимается одновременно с принцем и семью гномами, – сами догадываетесь, взрослые ж небось люди), мачеха от неё не отстаёт, рядом наверняка рыщет плотски страдающая Золушка, ну а адаптация Буратино – вообще кошмар. Там, знаете ли, нос так применялся… Смолкин вздрогнул. Вот и «Алиса в Стране чудес», произведение американских порнографов, – с виду милая крошка, ангелочек, а поимела и короля, и королеву, и чёрного рыцаря, и белого рыцаря, и…

Дорогу им заслонила девичья фигура.

Олег в ужасе понял: это та самая Алиса. Сейчас всё закончится плохо.

– Давай к нам на оргию, – улыбнулась Алиса. – Такая компашка подобралась, супер.

Жанна беззвучно оттёрла Олега хрупким плечом.

– Ты тут не по сюжету, – безапелляционно заявила она. – Мужик мой, я сама его поймала. Значит, и вся ночь будет исключительно моя… Сорри, групповуху со школы не практикую.

– Ну, тебе жалко, что ли? – заскулила Алиса, сразу теряя запал. – Я с обеда без секса.

– Я вообще сутки! – рявкнула Жанна, и её зрачки расширились. – Ты, дура, можешь себе на секунду представить, чем чреваты двадцать четыре часа без мужика? Ты хоть ощущаешь, какой это кошмар? Я близка к тому, чтобы тронуться умом… У меня мозг плавится.

Захватчица заметно смутилась, но не сдалась.

– Целые сутки? – в растерянности пробормотала она. – Разве такое в принципе случается? Я слышала на уроках оргий в школе, что женский организм не в состоянии выжить больше семи часов без сексуальных отношений, так в нём заложено самой природой…

– Вот именно, – назидательно отчеканила Жанна и уже без церемоний отстранила девушку. – Я фактически при смерти. Через десять минут он возьмёт меня, и мы прокувыркаемся не менее трёх часов. Если желание не сжигает, можешь подождать.

– Нет, – Алиса уже не скрывала глубины своего огорчения. – Найду другого самца… От групповухи девушки редко отказываются, но если случай жизни и смерти… да будет так.

Она исчезла в пелене дождя. Олег перевёл дух.

– Спасибо, – с горячей благодарностью выпалил он. – Ты спасла меня.

– Не за что, – строго отвечает Жанна.

…Сказочные башенки и дамы в кринолинах остаются позади. Впереди странный квартал, обшарпанный, с выщербленными тротуарами, разбитыми стёклами автобусных остановок и рекламными плакатами банков, обещающих кредит. Даже станция метро с красной буквой «М» и то здесь… Олег остановился и затрясся, дико озирается. Господи, да это ж спальный район, где он, собственно, жил… Неужели так просто…

Обернувшись, Жанна увидела смятение спутника.

– Я сожалею, – тихо проронила девушка. – Но это, говоря твоими определениями, квартал любительского порно – тут работают непрофессионалы из разных стран. Возможно, сейчас мы находимся в дистрикте с представителями твоего государства. Узнаёшь?

– Да, – вяло ответил Олег, испытывая страшное разочарование после только что исчезнувшей надежды. – В подобных интерьерах у нас и снимают. Копеечные гостиницы, квартиры в панельных домах, подделки под западное видео типа PickupGirls и многое другое. Ну, понятно, супербюджетов нет, как у Private. И девочек берут подешевле, буквально с вокзалов, – вот и качество хреновое. Но есть в этом нечто такое родное. На модель Private смотришь, и тошно тебе – вся из себя королева, причёска, ноги от ушей, киска выбрита умопомрачительно, сногсшибательный макияж, грудь четвёртого размера, носик, попочка, ну прям умереть не встать. И ты понимаешь: вот эта краля тебе, с твоей-то зарплатой, не даст никогда, одно утешение, что сейчас её на экране обрабатывают два сантехника из народа, пусть с «кубиками» на животе и мускулами Шварценеггера. А тут на видео – деваха из соседней девятиэтажки, с немытой головой и в заштопанных труселях. Знаешь, в жизни каждого из нас был такой секс – наспех, в подъезде или дома, не раздеваясь, с горячечной мыслью, что щас вот-вот родители придут… Поэтому и ощущаешь в кустарном видео теплоту и душевность. Смотришь, как девицу некрашеную нагнули без прелюдий, и в голове робкое юношество, первый поцелуй впопыхах, хлопчатобумажный лифчик, расстёгнутый негнущимися пальцами…

– Не увлекайся, – прервала Жанна. – Мы почти пришли.

Панельные многоэтажки сменились низенькими лачугами, в воздухе витали запахи рыбы и жареной лапши. Олег догадался: тоже вполне себе любительское порно, но не совсем русское. Жанна взяла его за руку, втащила в узкий переулочек: дома едва ли не слиплись стенами. С балконов мёртвыми кишками повисли кружевные чулки. Никакого освещения – спутники двигались почти на ощупь. «Интересно, как называется эта местность? – стуча зубами от холода, лихорадочно мыслил Олег. – «Квартал секс-ужасов»? А есть же такие фильмы, полно… Начиная с классики «Дракула сосёт» с Джеми Гиллисом или «Порнохолокост» Амато. Порноверсию сериальчика «Ходячие мертвецы» тоже недавно сняли… Вылезут из-за угла, трахнут и сожрут». Каблуки его туфель проваливались в грязь и что-то с треском крошили. Впечат-

лительному Олегу казалось, что он наступает на старые, разваливающиеся в пыль человеческие кости. Пистолет в сумочке, но разве он спасёт? Одна-единственная пуля, два варианта. Первый – всадить свинец в кого придётся, в чёрную или *клетчатую*, а вот второй… Выстрел в висок самому Олегу. Так, наверное, даже будет лучше. Он чудовищно устал. Он не хочет бороться. Он больше этого не перенесёт. Ладно, хоть умрёт по-настоящему. А Жанночка пускай остаётся здесь дальше. Девочка не знает иного мира, в порно ей тепло и привычно.

Скрип двери. Очень старой, судя по звуку.

Жанна потянула его за собой. Лязг замка. В помещении стойкий запах пыли.

И над пришельцами сомкнулась безмолвная тьма.

Больше никаких изображений. Просто чёрный квадрат. На экране – полнейшая темнота, из динамиков не доносится ни единого звука. Только шелест старой, поцарапанной плёнки, хрустящей где-то в проекторе. Страшное напряжение. В такие моменты обязательно чего-то ждёшь. Искушённые «ужастиками» зрители-киноманы наверняка полагают, что это перерыв, рекламная пауза или традиционный момент саспенса. Сейчас под жуткую музыку раздастся вой, а потом обязательный в таких случаях истерический женский визг. Они замирают: в зале чрезвычайно тихо, не хрустит попкорн, не шипит пузырьками газировка. Сейчас, вот прямо сейчас…

Однако ничего не происходит.

То есть совсем ничего.

Глава 7
Подмастерье

(район Эль-Агустино, Лима, 20 октября 1931 года)

…На этот раз Художник оставил *куклу* меж стен двух монастырей – старого и нового. Куда более тщательно подготовленное создание, лучше и качественнее предыдущего. Мигель невольно залюбовался фигурой, но тут же себя одёрнул. Под ногами привычно хлюпала кровь – на этот раз убийца разлил даже больше прежнего, литров пятнадцать. Собранная им девушка поражала с первого же взгляда – вероятно, на *куклу* ушли части тел примерно шести человек. Бордовое платье плотного тяжёлого бархата (не театральный ли это занавес?), сандалии из кожи гуанако, серебряные браслеты в виде змей, защёлкнутые на запястьях. Но самое главное – *кукла* изображает танец. Она стоит, прижав одну ладонь к стене, а другой касается темени, оттопырив локоть. На лице – соблазнительная улыбка: ей зашили рот, растянув в стороны уголки губ. Глаза выколоты, вместо них вставлены «заменители» – в левую глазницу изумруд, в правую – кусок горного хрусталя. При свете восходящего солнца блеск мёртвых очей *куклы* смотрится особенно зловеще. Голову Художник «слепил» из двух частей, и шов шёл кругом через лоб – убийца «пересадил» на череп *куклы* темя с пышными волосами. Руки, естественно, разные. На левой ногти выкрашены чёрным, на правой – ярко-алым… Михаил сразу понял: кропотливо красили кровью – венозной и из артерий.

Лицо, как в первоначальном варианте, залито *красным*.

Толчёное золото присутствовало и здесь, но нанесено на кожу своеобразно – косыми полумесяцами, по три на каждой щеке. Груди в вырезе платья приподняты – скорее всего, подпоркой изнутри. Ноги у *куклы* тоже от разных тел, а сандалии сшиты вручную. Да, этот Художник, можно сказать, на все руки мастер. За неделю прикончил десять человек, и ещё пара десятков содержится у него в заложниках. Если не больше, и если они ещё живы. Подобно предшественнице, *кукла* оказалась чем-то набита – Мигель уловил нежный, но сильный аромат. Нечто до боли знакомое. Пожалуй, надо посмотреть.

Полицейский рядом охнул, когда *эль капитано* отстегнул от пояса нож.

Люди в форме отвернулись, шепча слова молитвы. Мигель понимал, что, по местным меркам, кощунствует и совершает надругательство, но везти труп в лабораторию времени нет. Он осторожно взрезал нитки, скрепившие накрашенные губы *куклы*, и кончиком ножа раскрыл ей рот. Ропот за спиной многократно усилился – кабальерос явно осуждали. Он не придал значения: в Перу такая низкая раскрываемость потому, что сперва надо проявить уважение к усопшей, покропить труп святой водой, принести соболезнования родственникам, обязательно помолиться, а уж проводить вскрытие – всё равно что изнасиловать покойницу публично. Да и прекрасно, ему терять нечего. Он русский и к тому же не католик – по перуанским понятиям, едва ли не брат Сатаны.

В лицо Мигелю пахнуло сладким ароматом.

Изо рта *куклы* показалось что-то белое. Секунда – и *это* подхватил ветер. Налетел лёгкий порыв, в воздухе перед выкрашенным кровью лицом плавно закружились лепестки амазонской магнолии-«охотницы». Распускаясь на ветвях дерева, цветы время от времени испускают особенно сильный резкий запах, отчего у неподготовленных людей может закружиться голова, а маленькие дети и вовсе теряют сознание прямо у корней. На этот раз туловище содержало не травы – живот и грудь набили именно цветочными лепестками. Отойдя, Мигель сделал вежливый жест, приглашая фотографа. Фелипе не спеша подошёл, приподнял шляпу, отвесил поклон… тщательно прицелился, полыхнул вспышкой. Честное слово, человек прямо как не работает, а танцует. Михаил, расстегнув воротник мундира, полной грудью вдыхал свежий воздух – от аромата магнолии уже ломило в висках. Так. *Кукла* помещена в узкий переулок

не особенно популярного района Эль-Агустино, близ монастырей, неподалёку от пальмовой рощицы… Ночью тут никого не бывает, даже фонарей уличных нет – хоть глаз выколи. Значит, убийца перевозил тело с подсветкой в ночное время – дабы правильно установить модель. А это заняло не один час. Тащиться через весь город с трупом и фонарями на конной повозке вряд ли разумно… У Художника каждая минута на счету, да и столь громоздкая поклажа неизбежно привлечёт внимание пусть редких, но всё же неизбежных ночных прохожих. Таксомотор не возьмёшь – свидетели в таком деле не нужны. Убийца владеет своим автомобилем, и, ура, это значительно снижает круг подозреваемых: Лима не Париж, здесь машины по карману только очень богатым людям… Хм, настолько богатым, что у них хватит связей замять скандал… Кому надо сунут взятку, а для *эль президенте* выставят убийцей мальчика из прибрежной рыбацкой деревни. Как и в России, в Перу всё решают деньги. Значит, он должен найти Художника как можно быстрее и без сантиментов пристрелить душегуба, оправдавшись попыткой сопротивления при аресте… Проще не бывает? Ну-ну. Только чувствует сердце Мигеля, стрелять придётся не единожды. Для маньяка-одиночки слишком уж много телодвижений. Поймать три десятка девушек, спрятать, убить, разделать, сшить куклу, одеть её, избавиться от останков, привезти, выставить фигуру… Без помощников такое попросту физически невозможно. Вот в чём дело-то. У Художника наверняка имеется Подмастерье. Убийц как минимум двое, а то и больше: у настоящего маэстро всегда под рукой толпа учеников. Без их поддержки и восхищения творец вряд ли считается гением.

Мигель в волнении достал сигарету – из старого, ещё белогвардейского, портсигара.

Полыхнула газом лампа вспышки, полицейские глубже натянули кепи, спасаясь от брызг морского ветра. Заместитель министра издалека смотрел на *эль капитано* чуть ли не умоляюще, и Мартинес улыбнулся ему с ободрением – мол, всё в порядке. Взяв у полицейского карманный фонарик, он быстро прочесал площадку с *куклой*, но… нет. Никаких следов шин. Возможно, это одна из причин пролития крови: следы на земле быстро размякают в грязь, а дальше идёт гравий… При всём желании не отследишь.

Брезгливо обходя лужи крови, он подошёл к Хуаресу.

– Мне будет нужна ваша помощь, кабальеро, – любезно улыбнулся Мигель.

– Всё, что угодно, – излишне торопливо заверил заместитель министра.

– Убийца – богатый человек, – объяснил Мартинес. – И он точно не одиночка. *Куклу* доставляют к «театральным подмосткам» в просторном автомобиле… Нам требуется узнать и проверить, у кого из граждан имеются во владении американские или французские машины. Немецкие «моторы» маловместительны, поэтому для перевозки трупов Художник задействовал нечто приличное и дорогое. Попросите полицейских сделать список автомобилистов: мы найдём способ тайно проверить салоны машин, не задевая достоинства их хозяев… Надеюсь, вы понимаете, о чём я?

Чиновник согласно кивнул.

– Далее… Для хранения и сливания такого количества крови в обычном городском доме Лимы слишком мало возможностей. Следует узнать, кто из достойных кабальеро, что обзавелись «моторами», владеют крупными скотобойнями. В любом случае предлагаю действовать быстрее. У Художника в плену минимум двадцать девушек. Это значит – в любой момент в самом центре города, хоть завтра, он сможет воздвигнуть третью *куклу*… И что, если её установят у ворот дворца *эль президенте*?

На тёмных щеках метиса ярко вспыхнули пунцовые пятна.

Собственно, Михаил именно этого и добивался. Ещё сослуживцы по «Земской рати» отмечали, что подпоручику жалован божий дар дивно доводить людей до трясучки.

– Безусловно, – промямлил чиновник, – я сейчас же отдам распоряжение. Что-нибудь ещё?

«Ага, новую квартиру твоего уровня, увеличение жалованья в пять раз и свержение большевиков в России, – подумал Мартинес. – Боже мой, когда я уже этого дождусь?»

– О да, кабальеро, большое спасибо, – коснулся он козырька кепи. – Пожалуйста, помогите перевезти *куклу* в участок. Я каждый раз порываюсь назвать её трупом, пусть это и нелогично – ведь установленная душегубом модель состоит из частей шести кадавров. В общем, мне нужен транспорт. Прикройте брезентом место преступления и приставьте охрану… Нам нынче ни к чему лишнее внимание, особенно со стороны прессы.

Чиновник поспешно кивнул. Мигель поймал себя на мысли, что своим поведением напоминает себе певичку джаз-бенда, капризно выставляющую условия концерта – десять букетов из белых роз, шампанское, сельтерская определённого названия, сиамские кошечки и вода комнатной температуры в гостиничной ванне. Что ж, это расследование может превратить его и в начальника полиции Лимы (простите, слегка размечтался), и в постового на улицах пыльного северного городка Трухильо. Смотря до чего именно он докопается – за время службы Михаил видел, как в Перу бесследно исчезали полицейские, сунувшие нос куда не надо. Правда, против Художника играет бесподобный резонанс. Убийцу требует найти лично *эль президенте*, в Лиме высадился целый десант щелкопёров из Северо-Американских Соединённых Штатов, семьи местной элиты начали втихую вывозить дочерей из города. Легко замять дело не получится, даже если убийца – весьма богатый человек. Что имеется в виду? Понадобятся не просто деньги, а совершенно неприличное количество денег. Но кто сказал, что у Художника их нет? Мигель сел в машину, шофёр услужливо захлопнул дверцу, – пора обратно, в участок.

…Он забылся мёртвым сном, сидя у стола, – проснулся лишь в момент, когда уборщик Энрике сдержанно кашлянул и загремел эмалированным ведром, расплёскивая воду. Мартинес открыл глаза. Энрике робко улыбнулся начальству, сжав в руках тряпку.

В голове у Михаила полыхнула молния.

– Магнолия… Почему ты сказал, что надо обратить внимание на дерево?

Индеец изменился в лице. Выпрямился, бросил обратно в ведро мокрую ветошь.

– Вы действительно хотите знать, сеньор?

Мигель молча кивнул.

– Что ж… тогда я жду вас в гости сегодня вечером. А пока мне пора работать.

…Уронив голову на руки, Михаил вновь задремал. Ему снился новогодний бал во Владивостоке – он, в новеньком мундире подпоручика и при сабле, вёл в танце счастливую Верочку Анохину, сладко закрывшую глаза в предвкушении грядущего поцелуя. Как ему рассказывали через много лет, впоследствии Верочка работала проституткой в одном из притонов Харбина: большинство дворян бежали от большевиков в спешке, не взяв не только денег, но и простых носильных вещей. Но сейчас Михаил улыбался во сне – не видя, как пристально всматривается ему в лицо уборщик-индеец Энрике…

Глава 8
Основание

(квартал любительского порно, город Секс-Сити)

…Свечи. Много свечей. Кажется, что это ловушка – столь дефицитный товар в большом количестве встречается лишь в монастырях и других культовых учреждениях мира порно. Но, получше рассмотрев изображение на экране, зрители осознают – иначе здесь нельзя. Как говорилось в Советском Союзе, «положено». Грязно-коричневые стены с остатками обоев, приклеенные по центру старые, истёртые до белизны страницы американских порнографических журналов, свешивающаяся с потолка кованая железная люстра – потухшие огарки торчат по кругу, как сломанные зубы. Камера выхватывает из полумрака старческое лицо – в морщинах, с обвислыми щеками, расплывшимися татуировками на лбу и подбородке. Женщина сидит, поджав под себя ноги, оба её глаза бессмысленно уставились в сторону двери. Zoom приближает, и зрителю видно – это стеклянные искусственные очи, хозяйка жилища – слепа. Космы спутанных седых волос лежат на плечах, она горбится, шаря впереди скрюченными пальцами. Хорошее начало для современных фильмов ужасов, не хватает только гнетущей музыки и дёрганий камеры. Дабы не отступать от традиций, включается гнетущая музыка – жалобно скулит виолончель.

– (*спокойным, ровным голосом*) Вы немного опоздали.

– (*лёгкий книксен Жанны*) Прошу прощения, Великая Праматерь.

– (*с удивлением, Олег*) В вашем мире есть даже Праматерь? Изумительно. Извини меня, но разве слепая старуха способна превзойти ласки молодых девушек? Что в ней есть такого необычного, заставляющего мужчин Секс-Сити лететь сюда, как мотыльки на фонарь?

– (*Праматерь вынимает стеклянное око, оставив глазницу пустой*) Вуаля!

– О боже милостивый!

– Да, пришелец. Этого достаточно, чтобы ответить на твой вопрос?

– (*подавляя тошноту*) Вполне, Великая Праматерь.

– Прекрасно. Я знаю, что ты пришёл из другого мира – и ты не сумасшедший. Я чувствую ужас, пульсирующий в твоей голове. И тысячи вопросов, навсегда сгинувших в бездне льда и безмолвия. Поведаю тебе сразу: я вовсе не собираюсь на них отвечать.

– (*с содроганием*) Это очень мило с вашей стороны.

– (*со спокойствием*) Ты здесь далеко не первый. Для меня когда-то большим удивлением было узнать, что наш город, возникший из пучин небытия, – это мир вашего кино. Каждый может наблюдать его со стороны, включив телевизор или посетив кинотеатр. Пришельцы иногда проваливаются к нам волею случая – как это, видимо, случилось с тобой… Я не могу понять, благодаря чему вы проникаете в Секс-Сити, но ясно одно. Случайно попасть сюда – можно. Сбежать – нельзя… Если не знать о парочке условий.

– (*задыхаясь*) Каковы… эти… условия?

– Сначала, молодой человек, поблагодари судьбу, что не попал в квартал гей-порно. Понимаю, теперь ты откровенно боишься и сторонишься женщин, но оттуда самцы вообще не выбираются. Если веришь в определённых богов, самое время их восхвалить.

Мужчина нервно сглатывает слюну, прокашливаясь:

– О, блин… Воистину, хвала богам.

– Скромно, но люди вашего мира всегда скупы на благодарность, поскольку не ощущают серьёзности происходящего. Я удивлена твоей живучести, пришелец: гости чужого измерения не держатся больше месяца… Многие погибают в первые недели от полового истощения, а ты протянул полгода. Добыл ли ты то, зачем ходил к чёрным?

– (*в разговор вступает девичий голос*) Да, Великая Праматерь.

– (*с уважением*) Потрясающе… Ты храбр, пришелец. Многие пробирались в монастырь за артефактом, но назад не вернулся ещё никто. Он у тебя с собой? Дай его мне. Сейчас же.

Девушка, глядя в лицо мужчине, кивает… Крупный план… Олег развязывает холщовый мешочек и обеими руками с поклоном подаёт Праматери прозрачный предмет… Слепая старуха благоговейно прикасается к нему лбом.

– Фаллос Основания… Первый дилдо нашего мира, сотворённый ещё Чёрно-Белой Богиней самого древнего порнофильма! Смесь горного хрусталя и вулканического стекла. Он способен разогреваться сам и за считаные секунды достигать нужной температуры.

– (*скромно*) Рад, что вам нравится. Я оставлю это без комментариев.

– (*с трепетом*) Им ублажала себя Богиня до появления мужчин[6]. Он – святыня, коснувшаяся её плоти… Монастырь украл и узурпировал реликвию, и ею награждали особо отличившихся в разврате монахинь: внутри кельи преступницы ты и взял Фаллос Основания, по наводке Жанны. Мои услуги оплачены, пришелец. Я извергну тебя из нашего мира и не потребую ничего взамен. Богиня! Я чувствую тепло святого стекла…

– (*женский возглас, с горячим плотским чувством*) И я тоже, Великая Праматерь!.. О-о-о…

– (*в испуге*) Я вас прошу! Давайте сначала дело решим, а потом сколько хотите.

– (*старушечий голос, с неохотой*) Хорошо. С Фаллосом Основания будет проще, нежели я ожидала. По сути, это единственная вещь, связывающая оба наших мира, однако нужно достать и другое. Гели. Специи. Пепел. И, безусловно, провести особый магический ритуал. Учти, пришелец, я не гарантирую результат! Согласно легендам, окружавшим Чёрно-Белую Богиню, сила священного жезла чересчур велика, – мне будет трудно рассчитать энергию колдовства после жертвоприношений. Есть вероятность гибели в процессе телепортации. Подумай, что для тебя лучше: умереть или остаться здесь?

– (*бестрепетно*) Умереть.

– (*с уважением*) Да будет так, мой гость. Судьба благоволит тебе, счастливчик. Ты сумел выжить. Отыскал ту, что отнеслась к тебе с милосердием. Добыл артефакт, за обладание которым сотни мужчин сложили в монастыре свои головы. Проник в район тайского любительского порно (а ведь его не найдёшь даже с компасом), прошёл через страшный школьный квартал. Возможно, ты баловень тёмных сил, и колдовство свершится без проблем. Жанна, я объясню, что принести для ритуала и где вы сможете это взять. Перемещение состоится следующей ночью. Не спеши ликовать, пришелец.

– (*кисло*) Я и не ликую.

– Очень хорошо. Не медлите, сейчас же отправляйтесь за пеплом и специями. Кстати, тебя не удивляет, почему мы даже без знания языков так хорошо понимаем друг друга?

– Нет. В моём мире порно всегда смотрят без перевода.

Старуха, не выпуская из дрожащих рук символ Основания Мира, начинает рассказ. Жанна, склоняясь ближе к огарку свечи, записывает названия артефактов в блокнот – крупными латинскими буквами. На этот раз зрителю показывают сцену в чёрно-белом цвете – возможно, дабы подчеркнуть контраст и намекнуть на особую древность возвращённого артефакта. Праматерь устремляет взгляд на Основание так, словно может его видеть, и греет пальцы о тепло древнего жезла. Жанна кивает, вслушиваясь в её инструкции. Олег улыбается, о чём-то думая. Затем они покидают дом, вежливо прикрыв дверь, возвращаются в тот же мрачный переулок. Девушка роется в сумочке, поочерёдно достав оттуда презервативы, набор порнографических карт, флакон с возбуждающим средством и, наконец, сигареты. Олег с любопытством наблюдает, как она прикуривает и выдыхает дым.

---

[6] Самый первый порнофильм, снятый в 1899 году, содержит изображение ласкающей себя девушки. Впрочем, первенство также оспаривает другой фильм – с Арлекином и двумя Коломбинами, хранящийся ныне в Амстердаме.

– Временами вы очень похожи на нас.

– А чем мы другие?

– Многим… У вас нет болезней, ибо в мире порно больницы не предназначены для лечения. На улицах никто не прогуливает животных, потому что здесь животные, особенно собаки и лошади, служат… Нет, в том ужасном районе я не бывал, и желания посетить его нет. Вся реклама посвящена только сексу… Правда, вот в этом мы как раз совпадаем. У нас даже установку дверей рекламируют голые женщины, а покупать пылесосы соблазняет блондинка под слоганом «Сосу за копейки». Ты будешь смеяться – предложение спецодежды для ремонтников исходит от девушки топлес, которую обняли рукавицами за сиськи. Именно то, что я тебе рассказывал, – мы плаваем в море виртуального секса и, нахлебавшись его, уже не хотим друг друга. Знаешь, что я сделаю сразу, вернувшись в Москву, невзирая на пресыщенность? Трахну Вику. Будь я тогда с ней в постели, а не перед экраном телика с порнухой, ничего бы не случилось…

Жанна, со злостью ударив кулаком, тушит окурок о сырую стену.

– Ты что?

– Да так, ничего. У нас с тобой завтра тяжёлый день. Раздобыть в одиночку снадобья и зелья для телепортации я не смогу, тебе придётся пробраться со мной в центр города. А там, понимаешь, всякое может случиться… Готовься кое-кого умаслить парочку раз. Сейчас дойдём обратно, и ты спи, набирайся сил, они тебе понадобятся.

Короткий вздох:

– А тебе самой в вашем мире… неужели нравится?

– Что значит нравится? Как говорят в районе русских порнофильмов – студию не выбирают. Я живу здесь. Ты рассказывал, у вас лучше. Есть необычная еда, другие развлекаловки, и даже бутылки с кока-колой используются не по назначению, а чтобы из них пить. Но в нашем мире секс – это естественная среда обитания. Всё подчинено исключительно сексу. Лично я расстроена, что никогда не узнаю нормального соития с мужчиной, ибо для девственницы здесь только один вариант… точнее, два, ну да не важно. Мы просыпаемся с животным желанием и ложимся спать неудовлетворёнными, спасаясь лишь мастурбацией. Тут питаются сексом, наша раса не может без него существовать… Мне странны твои слова: мы всего лишь актёры-марионетки, подчинённые желанию режиссёров порнокино… Как сказал один негр с конскими размерами в новейшем секс-шоу: «Весь мир театр, все люди – актёры».

– Это вообще-то Шекспир сказал.

– Шекспир? Что-то такое я слышала. Кажется, он живёт в Сказочном квартале или районе Средневековья. Да-да. Прекрасные пьесы – вроде «Ромео и Джульетта». Очень романтично, особенно когда Монтекки и Капулетти мирятся, и всё заканчивается грандиозной оргией, там ещё прекрасную Джульетту в позе double penetration…

(*Приступ жёсткого сухого кашля.*)

– Прекрати.

– Хорошо.

– Извини. Вот уж не думал, что…

– (*ласково*) Не извиняйся, мне похуй. Пора идти… Нам предстоит исключительно тяжёлый день. А ещё возвращаться сквозь Сказочный квартал, через школы с целой ордой голодных *клетчатых*… И кто знает, что там опять выкинет осатаневшая идиотка Алиса. Давай поторопимся, иначе Великая Праматерь будет сильно разочарована.

…Они уходят вдаль – режиссёр фокусирует их силуэты при свете луны: уверенно шагающая девица и плетущаяся за ней, спотыкающаяся на каждом шагу дылда на каблучищах. Зритель, напряжённо запустив руку в ведёрко с воздушной кукурузой, ожидает появления фигуры наблюдателя, но ничего подобного. Мужчина и девушка исчезают во тьме, камера отдаляется,

взяв целиком панораму квартала любительского порно. За кадром транслируется напряжённая, зловещая музыка, – зритель, жуя попкорн, в нетерпении вцепляется в подлокотники кресла.

Ко всеобщему разочарованию, как и в прошлый раз, экран просто темнеет.

Глава 9
El Diablo

(Лима, Баррио де Чино, 21 октября 1931 года)

…Нельзя сказать, что Тереза сама не боится. Откровенно говоря, её просто трясёт. Всего неделя, как на площадях появились эти ужаснейшие (спаси Господь!) чучела, о содержимом чрева которых шепчутся на каждом углу в Городе Королей, а половину прохожих вечерами словно ветром сдуло. И какая после этого торговля? Слёзы одни. Исчезли щедрые подгулявшие господа, сидят по домам чужие мужья, не лезут за пазуху жадными руками копившие денежку все летние каникулы гимназисты. Подумать только, чего опасаются клиенты? Художник собирает свои страшные картины из тел девушек, а вовсе не мужчин… Но нет, первым делом испугались именно сеньоры. Гуляй теперь в сумерках сколько хочешь, расточай призывные улыбки… Без толку! Тереза – девушка деловая, она не просто так на бульваре стоит, а работает. Час любви – два соля, ночь – пять солей, и Иисус свидетель – она отрабатывает свои деньги до последнего сентаво. Как, например, грешат её ближайшие подружки? Лежат, в потолок смотрят и думают: скорее бы гость завершил процесс, чтобы можно было встать, отряхнуться и снова выйти на бульвар. Тереза же по улице гуляет полтора года и всегда в постели трудится с огоньком – стонет, кричит, кусается, спину царапает, недаром в детстве актрисой хотела стать. Она во время плотского соития почти ничего не чувствует, кроме боли, – но сеньоры-то как раз довольны, платят ей зачастую вдвое больше оговорённого. С каждого клиента Тереза кропотливо откладывает малую толику монет на чёрный день, ибо давно знает: век таких девушек недолог. Закончишь либо торговкой осьминогами у пристани, либо умрёшь, как метиска Анна-Мария. Бедняжке сифилис проел лицо – бросилась вчера с причала в воду.

Ночь. Как мрачно вокруг. А ей нужно работать.

Она выругалась и тут же испуганно прикрыла ладонью рот. Прости Иисус, ты же всё слышишь и видишь… Как и саму Терезу – семнадцатилетнюю девчонку-кечуа, немножко пухленькую, со смуглой кожей, миловидным, нежным полудетским личиком, одетую в белое, самолично сшитое ею платье. Иисус сладчайший, а пошли сегодня богатого клиента? Понятно, что не твоё это дело, но Терезе хочется кушать каждый день, не залезая в заначку. Проклятые полицейские, чем только они занимаются? Уже давно поймали бы чёртового Художника и дали шанс честной девушке подцепить мужчину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.